

<II.>

**Г. -БОВЪ И ВОПРОСЪ ОБЪ
ИСКУССТВЪ.**

Мы сказали въ объявленіи о нашемъ журналѣ, что наша русская критика въ настоящее время пошлѣтъ и мельчаетъ. Мы съ грустію сказали эти слова; не отрекаемся отъ нихъ; это наше глубокое убѣжденіе. Многіе изъ наиболѣе читаемыхъ русскихъ журналовъ выразили почти ту же мысль въ своихъ осеннихъ объявленіяхъ, при началѣ подписки на журналы на нынѣшній 1861 годъ. По крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ обѣщали обратить особенное вниманіе на этотъ отдѣлъ въ будущемъ году, слѣдовательно согласились, что до сихъ поръ онъ былъ плоховатъ. Если они исполнятъ свое обѣщаніе, то хорошо сдѣлаютъ. Не думаемъ, чтобъ насъ обвинили въ хвастовствѣ, въ заносчивости, и изъ-за того только, что мы нашли критику измельчавшеюся, обвинили насъ, что мы

часто выставляемъ самихъ себя глашатаями новыхъ истинъ, провозвѣстниками новыхъ идей и т. д. и т. д. Мы не принимаемъ на себя такой роли. Мы знаемъ только одно: что любимъ свое дѣло и приступаемъ къ нему горячо и съ уваженіемъ. Нельзя не сознаться, что въ нашей критикѣ давно уже замѣтна какая-то всеобщая апатія, кромѣ можетъ быть одного исключенія. Не такъ впрочемъ думаютъ «Отечественныя Записки.» Онѣ рѣшились объявить, - и кажется безъ малѣйшихъ колебаній, безъ малѣйшихъ угрызений совѣсти, - что вся блестящая дѣятельность Бѣлинскаго, правда, была блестящая, но... какъ бы это сказать - нѣсколько поверхностна (*entre nous soit dit*¹) и что настоящая, громадная и спасительная дѣятельность русской критики началась именно съ того времени, какъ Бѣлинскій оставилъ этотъ журналъ. Мы помнимъ, что къ этому времени (т. е. какъ Бѣлинскій оставилъ этотъ журналъ) относится появленіе въ «Отечественныхъ Запискахъ» статьи г. Дудышкина о Фонъ-

¹ между нами говоря (фр.).

Визинъ. Не съ нея ли «Отечественныя Записки» начинаютъ новую эру русской критики? Правда, сейчасъ послѣ Бѣлинскаго занялся въ «Отечественныхъ Запискахъ» отдѣломъ критики Валеріанъ Николаичъ Майковъ, братъ всѣмъ извѣстнаго и всѣми любимаго поэта, Аполлона Николаича Майкова. Валеріанъ Майковъ принялся за дѣло горячо, блистательно, съ свѣтлымъ убѣжденіемъ, съ первымъ жаромъ юности. Но онъ не успѣлъ высказаться. Онъ умеръ въ первый же годъ своей дѣятельности. Много обѣщала эта прекрасная личность и можетъ быть многого мы съ нею лишились. Но со смертію В. Майкова основался въ «Отечественныхъ Запискахъ» г. Дудышкинъ, и мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что съ него-то и начинается жолтый журналъ новую блестящую эру своей дѣятельности. «Отечественныя Записки» именно ставятъ себѣ въ особенную заслугу, что послѣ Бѣлинскаго критика приняла у нихъ характеръ по преимуществу историческій, и

что Бѣлинскій, который низвергалъ авторитеты и занимался Жоржъ-Зандомъ (слова о Жоржѣ Зандѣ въ объявленіи «Отечественныхъ Записокъ» - верхъ совершенства, такъ кстати они помѣщены!) едва прикоснулся къ исторической части русской литературы. Во первыхъ это несправедливо, а еслибъ и было справедливо, то въ двухъ страницахъ Бѣлинскаго (изданіе сочиненій котораго приводится къ окончанію) сказано больше объ исторической же части русской литературы, чѣмъ во всей дѣятельности «Отечественныхъ Записокъ» съ 48 года до нашихъ временъ.

А такъ какъ статья о Фонѣ-Визинѣ считается въ «Отечественныхъ Запискахъ» началомъ этой пресловутой исторической дѣятельности, то и дѣятельность эта вѣроятно считается съ г. Дудышкина. Правда, статья о Фонѣ-Визинѣ была еще довольно дѣльная, хотя очень скучная. Но послѣ нея наступила въ «Отечественныхъ Запискахъ» такая засуха, что страхъ вспомнить объ этомъ времени, даже въ

сравненіи съ статьею о Фонъ-Визинѣ. Между-тѣмъ «Отечественныя Записки» называютъ это время самой блестящей эпохой своей дѣятельности, да и всей русской литературы. Они утверждаютъ, что журналъ ихъ обратился въ то время къ народности. Мы припоминаемъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» одну статью о метлѣ, ухватѣ и лопатѣ и о значеніи ихъ въ древней русской миѳологіи. Свѣдѣнія, сообщенныя авторомъ этой статьи, были конечно полезныя; но не въ такихъ ли статьяхъ видятъ «Отечественныя Записки» обращеніе къ народности? Если такъ, то взглядъ ихъ и понятіе о народности довольно оригинальны. Оригиналенъ тоже другой взглядъ, выраженный въ объявленіи «Отечественныхъ Записокъ» съ ужасающею откровенностію; именно: что все, что только есть исправно-мыслящаго, движущагося, идущаго къ какой-нибудь цѣли въ нашемъ теперешнемъ обществѣ, все - насколько развилось въ немъ сознанія и смысла, - все это сдѣлали «Отечественныя Записки», все это плоды

трудоу ихъ. Такъ какъ онѣ сами начинаютъ немного свысока смотрѣть на Бѣлинскаго, то позволительно заключить, что всѣ эти блестящіе результаты онѣ приписываютъ своей послѣдующей дѣятельности, т. е. начиная съ статей о Фонѣ-Визинѣ и о лопатѣ, до чудовищной статьи о Пушкинѣ, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» прошлаго 1860 года. Впрочемъ прошлогоднее объявленіе объ изданіи «Отечественныхъ Записокъ» принадлежитъ исторіи русской литературы. Оно не умретъ; оно вѣковѣчно, монументально. Мы относимъ его къ литературѣ русскихъ скандаловъ и къ скандаламъ въ русской литературѣ.

Но мы увлеклись. Принимаясь за нашу статью, мы и въ виду не имѣли «Отечественныхъ Записокъ» и ихъ объявленій

и вспомнили совершенно нечаянно, не смотря на то, что хотѣли сказать нѣсколько словъ о критической дѣятельности русскихъ журналовъ въ прошломъ году.

Мы говоримъ: нѣсколько словъ, потомучто написать полный отчетъ всей критической дѣятельности за весь прошлый годъ мы не беремся и готовы считать подобный трудъ въ нѣкоторомъ смыслѣ даже подвигомъ. Правда, въ этомъ отчетѣ намъ пришлось бы указать и на нѣсколько пріятныхъ явленій въ прошлогодней нашей критикѣ... Но хотя мы и не беремся за этотъ подвигъ, мы видимъ, что намъ приходится въ настоящей статьѣ отчасти говорить, по поводу одного вопроса, объ одномъ изъ важнѣйшихъ представителей современной критики, котораго, - въ этомъ надо признаться откровенно, - только одного у насъ теперь и читаютъ, чуть ли не изъ всѣхъ нашихъ критиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, исключая три, четыре критическія статьи, мелькнувшія по разнымъ журналамъ за прошлый годъ и нѣсколько замѣченныя публикою, - всѣ остальные прошли почти не оставивъ по себѣ слѣда. Читаютъ одного г. -бова, который заставиль-таки читать себя, и ужъ за это одно онъ стоитъ особеннаго вниманія...

Но впрочемъ вотъ по какому собственно случаю мы хотимъ въ этотъ разъ говорить о г. -бовѣ.

Въ январьской книжкѣ нашего журнала, оканчивая наше введеніе въ «Рядъ статей о русской литературѣ», мы обѣщали говорить о современныхъ литературныхъ явленіяхъ и вопросахъ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ литературныхъ вопросовъ мы считаемъ теперь вопросъ объ искусствѣ. Этотъ вопросъ раздѣляетъ многихъ изъ современныхъ писателей нашихъ на два враждебныя лагеря. Такимъ образомъ разъединяются силы. Нечего распространяться о вредѣ, который заключается во всякомъ враждебномъ разногласіи. А дѣло уже доходитъ почти до вражды.

Разобрать эту вражду и ея причины, разъяснить весь споръ и высказать свое мнѣніе по поводу этого спора - соответствовало бы и цѣлямъ нашего журнала и обязанностямъ, которыя мы сами приняли на себя передъ публикой. Но прежде всего оговоримся: Если мы и

ввяжемся въ этотъ споръ, то вовсе не претендуя на роль окончательнаго судьи въ этомъ спорѣ. Да и примѣра мы не припомнимъ, чтобъ въ литературныхъ спорахъ нашихъ хоть когда-нибудь одна партія подчинилась другой, согласилась бы съ ней добровольно и по убѣжденію. Всякій литературный споръ кончается у насъ тѣмъ, что или выживаетъ изъ лѣтъ, надоѣдаетъ всѣмъ и каждому и прекращается самъ собою; или одна партія одолеваетъ другую такъ, что другая замолкаетъ, но единственно отъ безсилія и истощенія; замолкаетъ, а не соглашается. Соглашеній мы какъ-то не помнимъ. Если же они и бывали, то такъ рѣдко, что и припоминать не стоитъ.

И потому примирять и соглашать нашихъ спорщиковъ мы не беремся. Да и роль непріятная. Недавно г. Воскобойникову показалось, что русскіе литераторы слишкомъ много дерутся (литературнымъ образомъ разумѣется); онъ и тиснулъ довольно забавную статейку: «перестаньте драться, гг. литераторы». Вышло такъ, что

всѣ, кто только захотѣлъ замѣтить эту статью, напустились на г. Воскобойникова. Въ чемъ другомъ были не согласны, а въ этомъ тотчасъ же между собой согласились. - Просто запросто: мы считаемъ теперешній вопросъ объ искусствѣ чрезвычайно важнымъ; а потому, какъ начинающійся журналъ, хотимъ высказать и свое мнѣніе: какъ мы понимаемъ этотъ вопросъ и какому именно отѣнку въ его рѣшеніи придерживаемся. Такимъ образомъ мы прямо выскажемъ свои убѣжденія и выкажемъ свое направленіе, тѣмъ болѣе что насъ уже объ этомъ спрашивали. А такъ какъ высказать наши убѣжденія мы не можемъ, не разъяснивъ предварительно, на чемъ остановился этотъ споръ въ нашей литературѣ, то чтобъ опредѣлить современный характеръ этого спора, мы разберемъ предварительно ученія обѣихъ партій, чему и посвящаемъ эту статью. Одинъ изъ главныхъ представителей одного изъ этихъ ученій есть безспорно г. -бовъ, печатающій свои статьи въ

«Современникъ»; вотъ почему и статью нашу мы назвали:

Г. -бовъ и вопросъ объ искусствѣ.

Еще одно замѣчаніе:

Намъ говорятъ и мы сами недавно читали въ одномъ изъ самыхъ распространенныхъ въ публикѣ журналовъ нашихъ, что партій въ русской литературѣ не существуетъ. Мы полагаемъ, что этотъ журналъ употребилъ слово: «партій» въ смыслѣ распрей личныхъ, до которыхъ собственно литературѣ не долж-

но быть и дѣла. Разумѣется мы всѣми силами желаемъ повѣрить этому журналу на слово: нѣтъ, такъ тѣмъ и лучше. Но партіи въ смыслѣ несогласныхъ убѣжденій въ нашей литературѣ существуютъ. У насъ есть Аскоченскіе, Чернокнижниковы, - бовы. Даже самъ великолѣпный Кузьма Прутковъ, въ строгомъ смыслѣ, можетъ тоже считаться представителемъ цѣльной и своеобразной партіи. Вообще каждый журналъ нашъ чего-либо да придерживается. Совершенно же безцвѣтные журналы у насъ не держатся и

умирають тихою и спокойною смертію. Разумѣтся литературныя партіи наши вообще неясно и какъ-то смутно обрисованы. Отъ иныхъ рѣшительно не дождешься яснаго изложенія ихъ убѣжденій; другія отдѣляются какими-то намеками; третьи выражаются какъ-будто по заказу, а между-тѣмъ какъ-будто сами себѣ не вѣрятъ; четвертыя удаляются въ туманную область нахмуренныхъ фразъ, головоломныхъ фразъ, тарабарскаго слога, - разбирай какъ знаешь. Винить за это разумѣтся невозможно.

Но по поводу вопроса объ искусствѣ, нѣкоторыя изъ журналовъ нашихъ обозначились довольно рѣзко, особенно въ послѣднее время. Между ними первое мѣсто занимаетъ «Современникъ» съ прошлогодними статьями г. -бова.

Сдѣлавъ такое предисловіе, приступимъ къ самому дѣлу.

И во-первыхъ объявляемъ, что не придерживаемся ни одного изъ теперь существующихъ мнѣній и прямо говоримъ, что по нашему мнѣнію, весь вопросъ въ

настоящую минуту ложно поставленъ - именно отъ слишкомъ горячаго спора; именно оттого, что дѣло дошло почти до вражды. Мы надѣемся доказать это.

Но представимъ самую сущность вопроса; что именно это за вопросъ и въ чемъ онъ заключается?

Одни говорятъ и учатъ, что искусство служить само себѣ цѣлью и въ самой сущности своей должно находить себѣ оправданіе. И потому вопроса о полезности искусства, въ настоящемъ смыслѣ слова, даже и быть не можетъ. Творчество - основное начало каждаго искусства, есть цѣльное, органическое свойство человѣческой природы и имѣетъ право существовать и развиваться уже потому одному, что оно есть необходимая принадлежность человѣческаго духа. Оно также законно въ человѣкѣ, какъ умъ, какъ всѣ нравственныя свойства человѣка и, пожалуй, какъ двѣ руки, какъ двѣ ноги, какъ желудокъ. Оно не отдѣлимо отъ человѣка и составляетъ съ нимъ цѣлое. Конечно умъ напримѣръ - полезенъ, - такъ

можно выразиться: плохо безъ ума. Полезны въ этомъ же смыслѣ чловѣку и руки и ноги! Въ этомъ же смыслѣ полезно чловѣку и творчество.

Но какъ нѣчто цѣльное, органическое, творчество развивается само изъ себя, неподчиненно и требуетъ полнаго развитія; главное - требуетъ полной свободы въ своемъ развитіи. Поэтому всякое стѣсненіе, подчиненіе, всякое постороннее назначеніе, всякая исключительная цѣль, поставленная ему, будутъ незаконны и неразумны. Еслибъ ограничить творчество, или запретить творческимъ и художественнымъ потребностямъ чловѣка заниматься, - ну, чѣмъ бы напимъ? - ну, хоть выраженіемъ извѣстныхъ ощущеній; запретить чловѣку всю творческую его дѣятельность, которую бы возбуждали въ немъ извѣстныя явленія природы: восходъ солнца, морская буря и проч. и проч., - то все это было бы нелѣпымъ, смѣшнымъ и незаконнымъ стѣсненіемъ чловѣческаго духа въ его дѣятельности и развитіи.

Это говоритъ одна партія, - партія защитниковъ свободы и полной неподчиненности искусства.

«Разумѣтся все это было бы нелѣпымъ стѣсненіемъ», отвѣтятъ утилитаристы (другая партія, учащая тому, что искусство должно служить человѣку прямой, непосредственной, практической и даже опредѣленной обстоятельствами пользой), - «разумѣтся всякое подобное стѣсненіе, безъ разумной цѣли, а единственно по прихоти, - есть дикая и злая глупость. Но согласитесь сами (могутъ они прибавить) - вдругъ напрімѣръ идетъ сраженіе - вы одинъ изъ сражающихся; вмѣсто того, чтобъ помогать своимъ товарищамъ въ битвѣ, вамъ, какъ артисту въ душѣ, вдругъ понравилась картина сраженія; вы бросите оружіе, вынимаете карандашъ, бумагу и начинаете срисовывать поле битвы. Хорошо вы дѣлаете? Разумѣтся вы имѣете полное право предаваться вашимъ вдохновеніямъ; но разумна ли будетъ ваша художественная дѣятельность въ такую минуту?

Однимъ словомъ, заключать они, мы не отвергаемъ вашей теоріи о свободѣ развитія творчества; но эта свобода должна быть по крайней мѣрѣ хоть разумная.»

Г. Панаевъ, въ началѣ своихъ интересныхъ литературныхъ воспоминаній (Современникъ 1861, книга I) упоминаетъ, что во время его молодости, между петербургскими литераторами одного круга, существовало убѣжденіе, что литераторы, поэты, художники, артисты не должны заниматься ничѣмъ насущнымъ, текущимъ, - ни политикой, ни внутреннею жизнію общества, къ которому принадлежать, ни даже какимъ-нибудь важнѣйшимъ общенароднымъ вопросомъ, а заниматься только однимъ высокимъ искусствомъ. Заниматься же чѣмъ-нибудь кромѣ искусства, значитъ унижать его, низводить его съ высоты, глумиться надъ нимъ. По такому ученію значитъ надо было добровольно вырвать изъ-подъ себя всю почву, на которой всѣ стоятъ и которою всѣ живутъ, и слѣдовательно улетать все выше и выше въ надзвѣздія, а тамъ разумѣется

какъ-нибудь испариться, потомучто вѣдь больше-то ничего не оставалось

и дѣлать. Эта теорія могла привести прямо къ тому, что напримѣръ во время двѣнадцатаго года, когда все русское занималось только однимъ спасеніемъ отечества, однимъ литераторамъ и поэтамъ было бы гораздо приличнѣе заниматься - ну, хоть напримѣръ греческой антологіей. Въ литературной и художественной кучкѣ, о которой рассказываетъ г. Панаевъ, такъ и поступали: вопросами общественными не занимались. Одинъ изъ важнѣйшихъ членовъ этой кучки только и дѣлалъ въ то время, что писалъ драмы изъ жизни итальянскихъ художниковъ.

Возьмемъ еще примѣръ:

Положимъ, что мы переносимся въ восемнадцатое столѣтіе, именно въ день лиссабонскаго землетрясенія. Половина жителей въ Лиссабонѣ погибаетъ; дома разваливаются и проваливаются; имущество гибнетъ; всякій изъ оставшихся въ живыхъ что-нибудь потерялъ - или имѣніе или семью. Жители толкаются по улицамъ въ

отчаяніи, пораженныя, обезумѣвшіе отъ ужаса. Въ Лиссабонѣ живетъ въ это время какой нибудь извѣстный португальскій поэтъ. На другой день утромъ выходитъ номеръ лиссабонскаго Меркурія (тогда все издавались Меркуріи). Номеръ журнала, появившагося въ такую минуту, возбуждаетъ даже нѣкоторое любопытство въ несчастныхъ лиссабонцахъ, не смотря на то, что имъ въ эту минуту не до журналовъ; надѣются, что номеръ вышелъ нарочно, чтобъ дать нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщить нѣкоторыя извѣстія о погибшихъ, о пропавшихъ безъ вѣсти и проч. и проч. И вдругъ - на самомъ видномъ мѣстѣ листа бросается всѣмъ въ глаза что-нибудь въ родѣ слѣдующаго:

Шопоть, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Соннаго ручья,
Свѣтъ ночной, ночныя тѣни,
Тѣни безъ конца,
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица,

Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтаря,
И лобзанія, и слезы -
И заря, заря!..

Да еще мало того: тутъ же, въ видѣ послѣсловія къ поэмкѣ, приложено въ прозѣ всѣмъ извѣстное поэтическое правило, что тотъ не поэтъ, кто не въ состояніи выскочить внизъ головой изъ четвертаго этажа (для какихъ причинъ? - я до сихъ поръ этого не понимаю; но ужъ пусть это непременно надо, чтобъ быть поэтомъ; не хочу спорить). Не знаю навѣрно, какъ приняли бы свой Меркурій лиссабонцы, но мнѣ кажется они тутъ же казнили бы всенародно, на площади, своего знаменитаго поэта, и вовсе не за то, что онъ написалъ стихотвореніе безъ глагола, а потомучто вмѣсто трелей соловья, наканунѣ слышались подъ землей такія трели, а колыханіе ручья появилось въ минуту такого колыханія цѣлаго города, что у бѣдныхъ лиссабонцевъ, не только не осталось охоты наблюдать -

Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы
или

Отблескъ янтаря,

но даже показался слишкомъ
оскорбительнымъ и не-братскимъ
поступокъ поэта, воспѣвающаго такія
забавныя вещи въ такую минуту ихъ жизни.
Разумѣется, казнивъ своего поэта (тоже
очень не-братски), они всѣ непременно бы
кинулись къ какому-нибудь доктору
Панглосу² за умнымъ совѣтомъ, и докторъ
Панглось тотчасъ же и безъ большаго труда
увѣрилъ бы ихъ всѣхъ, что это очень
хорошо случилось, что они провалились, и
что ужь если они провалились, то это
непременно къ лучшему. И доктора
Панглоса никто бы не разорвалъ за это въ
кочки; напротивъ дали бы ему пенсію и
провозгласили бы его другомъ
человѣчества. Вѣдь такъ все идетъ на
свѣтъ.

Замѣтимъ впрочемъ слѣдующее:
положимъ лиссабонцы и казнили своего

² Докторъ Панглось, - смѣшной философъ въ одной сказкѣ Вольтера, доказывающій что все на свѣтъ происходитъ къ лучшему. <Примеч. автора. - Ред.>

любимаго поэта, но вѣдь стихотвореніе, на которое они всѣ разсердились (будь оно хоть и о розахъ и янтарѣ), могло быть великолѣпно по своему художественному совершенству. Мало того, поэта-то они бѣ казнили, а черезъ тридцать, черезъ пятьдесятъ лѣтъ поставили бы ему на площади памятникъ за его удивительные стихи вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за «пурпуръ розы» въ частности. Выходить, что не искусство было виновато въ день лиссабонскаго землетрясенія. Поэма, за которую казнили поэта, какъ памятникъ совершенства поэзіи и языка, принесла можетъ быть даже и не малую пользу лиссабонцамъ, возбуждая въ нихъ потомъ эстетическій восторгъ и чувство красоты, и легла благотворной росой на души молодого поколѣнія. Стало быть виновато было не искусство, а поэтъ, злоупотребившій искусствомъ въ ту минуту, когда было не до него. Онъ пѣлъ и плясалъ у гроба мертвеца... Это конечно было очень нехорошо и чрезвычайно глупо съ его

стороны; но виновать опять-таки онъ, а не искусство.

Однимъ словомъ, утилитаристы требуютъ отъ искусства прямой, немедленной, непосредственной пользы, соображающейся съ обстоятельствами, подчиняющейся имъ, и даже до такой степени, что если въ данное время общество занято разрѣшеніемъ напр. такого-то вопроса, то искусство (по ученію нѣкоторыхъ утилитаристовъ) и цѣли не можетъ задать себѣ иной, какъ разрѣшеніе этого же вопроса. Если разсматривать это соображеніе о пользѣ не какъ требованіе, а только какъ желаніе, то оно, по нашему мнѣнію, даже похвально, хотя мы и знаемъ, что все-таки это соображеніе не совсѣмъ вѣрно. Если напримѣръ все общество озабочено разрѣшеніемъ какого-нибудь важнаго внутренняго вопроса, то разумѣется пріятно было бы желать, чтобъ и всѣ силы общества согласно направлены были къ достиженію всеобщей цѣли, а слѣдовательно, чтобъ и искусство прониклось этой же идеей и тоже

послужило бы общей пользѣ. Какое-нибудь общество, положимъ, на краю гибели; все что имѣетъ сколько-нибудь ума, души, сердца, воли, все что сознаетъ въ себѣ челоуѣка и гражданина, занято однимъ вопросомъ, однимъ общимъ дѣломъ. Неужели жь тогда только между одними поэтами и литераторами не должно быть ни ума, ни души, ни сердца, ни любви къ родинѣ и сочувствія всеобщему благу?

Служенье музъ, дескать, не терпитъ суеты.

Это положимъ такъ. Но хорошо бы было, еслибъ напимѣрь поэты не удалялись въ эфиръ и не смотрѣли бы оттуда свысока на остальныхъ смертныхъ; потому что, хотя греческая антологія и превосходная вещь, но вѣдь иногда она бываетъ просто не къ мѣсту и вмѣсто нея пріятнѣе было бы видѣть что-нибудь болѣе подходящее къ дѣлу и помогающее ему. А искусство много можетъ помочь иному дѣлу своимъ содѣйствіемъ; потому что заключаетъ въ себѣ огромныя средства и великія силы. Повторяемъ: разумѣется,

этого только можно желать, но не требовать, уже потому одному, что требуютъ большею частію, когда хотятъ заставитьъ насильно, а первый законъ въ искусствѣ - свобода вдохновенія и творчества. Все же вытребованное, все вымученное съ поконъ-вѣку до нашихъ временъ не удавалось и вмѣсто пользы приносило одинъ только вредъ. Защитники «искусства для искусства» собственно

за то и сердятся на утилитаристовъ, что они, предписывая искусству опредѣленные цѣли, тѣмъ самымъ разрушаютъ само искусство, посягая на его свободу, а разрушая такъ легко искусство, стало быть не цѣнить его, и слѣдовательно не понимаютъ даже, къ чему оно можетъ быть полезно, - они толкуютъ прежде всего о пользѣ. Потому, говорятъ защитники искусства, - еслибъ утилитаристы только знали, какая великая польза заключается въ искусствѣ для всего человѣчества, то они бы нѣсколько болѣе цѣнили его и не обращались бы съ нимъ съ такимъ неуваженіемъ. И въ самомъ дѣлѣ

(продолжаютъ они) еслибъ даже смотрѣть на искусство съ одной вашей точки зрѣнія, то есть со стороны одной полезности, то вѣдь еще неизвѣстенъ въ подробности нормальный историческій ходъ полезности искусства въ человѣчествѣ. Трудно измѣрить всю массу пользы, принесенную и до сихъ поръ приносимую всему человѣчеству напримѣръ Иліадою или Аполлономъ Бельведерскимъ, вещами, повидимому совершенно въ наше время ненужными. Вотъ напримѣръ такой-то человѣкъ, когда-то, еще въ отрочествѣ своемъ, въ тѣ дни, когда свѣжи и «новы всѣ впечатлѣнья бытія», взглянулъ разъ на Аполлона Бельведерскаго, и богъ неотразимо напечатлѣлся въ душѣ его своимъ величавымъ и безконечно-прекраснымъ образомъ. Кажется фактъ пустой: полюбовался двѣ минуты красивой статуей и пошолъ прочь. Но вѣдь это любованіе не похоже на любованіе, напримѣръ, изящнымъ дамскимъ туалетомъ. «Мраморъ сей вѣдь богъ», и вы сколько ни плюйте на него, никогда у него

не отнимете его божественности. Пробовали отнять, да ничего не вышло. И потому впечатлѣніе юноши можетъ быть было горячее, потрясающее нервы, охлаждающее эпидерму; можетъ быть даже, - кто это знаетъ! - можетъ быть даже при такихъ ощущеніяхъ высшей красоты, при этомъ сотрясеніи нервъ, въ человѣкѣ происходитъ какая-нибудь внутренняя перемѣна, какое-нибудь передвиженіе частицъ, какой-нибудь гальваническій токъ, дѣлающій въ одно мгновеніе прежнее уже не прежнимъ, кусокъ обыкновеннаго желѣза магнитомъ. Впечатлѣній на свѣтѣ конечно множество, но вѣдь не даромъ же это впечатлѣніе особенное, впечатлѣніе бога. Не даромъ же такія впечатлѣнія остаются на всю жизнь. И кто знаетъ? Когда этотъ юноша, лѣтъ двадцать, тридцать спустя, отозвался во время какого-нибудь великаго общественнаго событія, въ которомъ онъ былъ великимъ передовымъ дѣятелемъ такимъ-то, а не такимъ-то образомъ; то можетъ быть въ массѣ причинъ, заставившихъ его поступить такъ, а не

этакъ, заключалось, безсознательно для него, и впечатлѣніе Аполлона Бельведерскаго, видѣннаго имъ двадцать лѣтъ назадъ. Вы смѣтаетесь? Дѣйствительно все это похоже на бредъ; но во-первыхъ, въ подобныхъ фактахъ, не смотря на всю вашу положительность, вы сами еще ничего ровно не знаете. Можетъ быть въ послѣдствіи узнаете (мы вѣримъ въ науку), но теперь покамѣстъ не знаете. А во-вторыхъ есть историческіе признаки, есть нѣкоторые историческіе факты, по которымъ можно подумать, что наши мечты и не совсѣмъ вздоръ. Ну, кто бы могъ подумать, что напримѣръ Корнель и Расинъ отзовутся своимъ вліяніемъ въ такія странныя и рѣшительныя минуты исторической жизни цѣлаго народа, что казалось бы и не мыслимо было сначала, что дѣлать такимъ старымъ колпакамъ, какъ Корнель и Расинъ, въ такія эпохи. Оказалось, что души-то и не умираютъ. А потому, если давать заранѣе цѣли искусству и опредѣлять, чѣмъ именно оно должно быть полезно, то можно ужасно ошибиться, такъ

что вмѣсто пользы можно принести одинъ вредъ, а слѣдовательно дѣйствовать прямо противъ себя; потомучто утилитаристы требуютъ пользы, а не вреда. И такъ-какъ искусство требуетъ прежде всего полной свободы, а свобода не существуетъ безъ спокойствія (всякая тревога уже несвобода), то слѣдственно искусство должно дѣйствовать тихо, ясно, не торопясь, не увлекаясь по сторонамъ, имѣя само себя цѣлью и вѣруя, что всякая дѣятельность его отзовется современемъ человѣчеству несомнѣнною пользою.

Вотъ что говорятъ сторонники искусства для искусства своимъ противникамъ утилитаристамъ.

Во всемъ этомъ конечно ничего нѣтъ новаго; споръ старъ, но вотъ что новое: что сами предводители обѣихъ партій говорятъ такъ, а на дѣлѣ поступаютъ обратно-противоположно своимъ же словамъ. Слишкомъ ужъ заспорились. Не распространяясь много, покажемъ одинъ примѣръ:

Обличительная литература возбуждаетъ негодованіе сторонниковъ чистаго искусства. Съ одной стороны это имѣеть нѣкоторое основаніе: большею частію произведенія обличительной литературы до того худы, что болѣе вредны, чѣмъ полезны всеобщему дѣлу, и если мы съ своей стороны признаемъ, что нападки на эти произведенія отчасти и дѣльны, то единственно только въ этомъ смыслѣ. Но въ томъ-то и бѣда, что нападки на нихъ идутъ не съ одной этой стороны и не въ этомъ смыслѣ. Негодованіе заходитъ далѣе: обвиняется самъ г. Щедринъ, родоначальникъ обличительной литературы, не смотря на то, что г. надворный совѣтникъ Щедринъ во многихъ изъ своихъ обличительныхъ произведеній - настоящій художникъ. Мало того: гонится весь обличительный родъ искусства, какъ-будто между обличительными писателями даже и не можетъ появиться истиннаго художника, геніальнаго писателя, поэта, самая спеціальность котораго именно и будетъ состоять въ обличеніи. Слѣдственно, изъ

вражды къ противникамъ, сторонники чистаго искусства идутъ противъ самихъ себя, противъ своихъ же принциповъ, а именно - уничтожаютъ свободу въ выборѣ вдохновенія. А за эту свободу они-то бы и должны стоять.

Съ другой стороны утилитаристы, не посягая явно на художественность, въ то же время совершенно не признають ея необходимости. «Была бы видна идея, была бы только видна цѣль, для которой произведеніе написано, - и довольно; а художественность дѣло пустое, третьестепенное, почти ненужное». Вотъ какъ думаютъ утилитаристы. А такъ какъ произведеніе нехудожественное никогда и ни подъ какимъ видомъ не достигаетъ своей цѣли; мало того: болѣе вредитъ дѣлу, чѣмъ приносить пользы; то стало быть утилитаристы, не признавая художественности, сами же болѣе всѣхъ вредятъ дѣлу, а слѣдственно идутъ прямо противъ самихъ себя; потомучто они ищутъ не вреда, а пользы.

Намъ скажутъ, что мы это все выдумали, что утилитаристы никогда не шли противъ художественности. Напротивъ: не только шли, но мы замѣтили, что имъ даже особенно пріятно позлиться на иное литературное произведеніе, если въ немъ главное достоинство - художественность. Они напримѣръ ненавидятъ Пушкина, называютъ всѣ его вдохновенія - вычурами, кривляніями, фокусами и фіоритурами, а стихотворенія его - альбомными побрякушками. Даже самое появленіе Пушкина въ нашей литературѣ они считаютъ какъ-будто чѣмъ-то незаконнымъ. Мы вовсе не преувеличиваемъ. Все это почти ясно выражено г. -бовымъ въ нѣкоторыхъ критическихъ статьяхъ его прошлаго года. Замѣтно еще, что г. -бовъ начинаетъ высказываться съ какимъ-то особеннымъ нерасположеніемъ и о г. Тургеневѣ, самомъ художественномъ изъ всѣхъ современныхъ русскихъ писателей. Въ статьѣ же своей: «Черты для характеристики русскаго простонародья» (Современникъ 1860 № IX), при разборѣ

сочиненій Марко-Вовчка, г. -бовъ почти прямо выказываетъ, что художественность онъ считаетъ ничѣмъ, нулемъ, и выказываетъ именно тѣмъ, что не умѣетъ понять, къ чему полезна художественность. При разборѣ одной повѣсти Марка Вовчка г. -бовъ прямо признаетъ, что авторъ написалъ эту повѣсть нехудожественно, и тутъ же, сейчасъ же послѣ этихъ словъ, утверждаетъ, что авторъ достигъ вполне этой повѣстью своей цѣли, а именно: вполне доказалъ, что такой-то фактъ существуетъ въ русскомъ простонародьи. Между тѣмъ этотъ фактъ (очень важный) не только не доказывается этой повѣстью, но даже вполне подвергается сомнѣнію именно потому, что по нехудожественности автора, дѣйствующія лица повѣсти, выставленныя авторомъ для доказательства его главной идеи, утратили подъ перомъ его всякое русское значеніе, и читатель скорѣе согласится назвать ихъ шотландцами, итальянцами, сѣвероамериканцами, - чѣмъ русскимъ простонародьемъ. Какъ же въ такомъ случаѣ могли бы они доказать

собою, что такой-то фактъ существуетъ въ русскомъ простонародьѣ, когда сами они, дѣйствующія лица, не похожи на русское простонародье? Но г. -бову до этого рѣшительно нѣтъ дѣла: была бы видна идея, цѣль, хотя бы всѣ нитки и пружины грубо выглядывали наружу; кчему же послѣ этого художественность? Да и кчему наконецъ писать повѣсти? просто за просто написать бы, что вотъ такой-то фактъ существуетъ въ русскомъ простонародьѣ - потому-то и потому-то, - и короче и яснѣе и солиднѣе? «А тутъ еще сказки рассказывать! вотъ людямъ-то нечего дѣлать!»

Кстати сдѣлаемъ еще одно нота-бене. Чѣмъ познается художественность въ произведеніи искусства? Тѣмъ, если мы видимъ согласіе, по возможности полное, художественной идеи съ той формой, въ которую она воплощена. Скажемъ еще яснѣе: художественность, напимѣрь хоть бы въ романистѣ, есть способность до того ясно выразить въ лицахъ и образахъ романа свою мысль, что читатель, прочтя романъ,

совершенно также понимает мысль писателя, какъ самъ писатель понималъ ее, создавая свое произведеніе. Слѣдственно по-просту: художественность въ писателѣ есть способность писать хорошо. Слѣдственно тѣ, которые ни во что не ставятъ художественность, допускаютъ, что позволительно писать нехорошо. А ужь если согласятся, что позволительно, то вѣдь отсюда недалеко и до того, когда просто скажутъ: что надо писать нехорошо. Да чуть ли ужь и не говорятъ.

Въ этой статьѣ нашей мы намѣрены прослѣдить этотъ критическій разборъ сочиненій Марко-Вовчка, помѣщенный г. -бовымъ въ IX № «Современника» за прошлый годъ. Мы дѣлаемъ это особенно потому, что въ этомъ разборѣ довольно ярко выказывается характеръ литературныхъ убѣжденій г. -бова, а вмѣстѣ и взглядъ его на искусство. А г. -бовъ есть, какъ мы уже сказали, одинъ изъ предводителей утилитаризма. Слѣдственно, изучивъ хоть отчасти г. -бова, мы поймемъ и то, какъ поставленъ въ настоящую минуту

вопросъ объ искусствѣ въ нашей литературѣ.

Извѣстно всей читающей русской публикѣ, что Марко-Вовчокъ написалъ двѣ книги рассказовъ изъ народнаго малороссійскаго и изъ народнаго великорусскаго быта. Г. -бовъ разбираетъ одни великорусскіе рассказы, вышедшіе въ переводѣ на русскій языкъ. Всѣ рассказы разобраны имъ съ необыкновенною подробностію, слишкомъ на пяти печатныхъ листахъ мелкой печати. Этотъ разборъ особенно любопытенъ тѣмъ, что въ немъ съ одной стороны выясняется, какъ понимаетъ г. -бовъ назначеніе и цѣль литературы, чего отъ нея требуетъ и какія свойства, средства и силы признаетъ за ней, относительно вліянія на общество. Мы впрочемъ ограничимся только разборомъ одного перваго рассказа; и этого довольно, чтобъ ясно понять убѣжденія г. -бова. О самомъ же Марко-Вовчкѣ мы въ настоящей статьѣ не намѣрены говорить подробно. Скажемъ только, что признаемъ за авторомъ большой умъ и превосходныя побужденія,

въ сильномъ же литературномъ талантѣ его сомнѣваемся. Мы особенно жалѣемъ, что высказываемъ такое мнѣніе, не доказавъ его. Жалѣемъ еще болѣе, что какъ нарочно принуждены взять именно разборъ перваго разсказа: Маша, - надо признаться, - можетъ быть самага слабаго изъ всѣхъ разсказовъ автора. Но г. -бовъ, при разборѣ этого разсказа, наиболѣе высказался именно съ той стороны, на которую мы хотимъ обратить вниманіе нашихъ читателей.

Разумѣется мы не намѣрены разбирать всѣ убѣжденія г. -бова, хотя г. -бовъ, по нашему мнѣнію, стоитъ подробнаго разбора. Мы во многомъ совершенно съ нимъ несогласны и прямые его противники; но ужь одно то, что онъ заставилъ публику читать себя, что критическія статьи «Современника», съ тѣхъ поръ, какъ г. -бовъ въ немъ сотрудничаетъ, разрѣзываются изъ первыхъ, въ то время, когда почти никто не читаетъ критикъ, - уже одно это ясно свидѣтельствуеетъ о литературномъ талантѣ г. -бова. Въ его

талантъ есть сила, происходящая отъ убѣжденія. Г. -бовь не столько критикъ, сколько публицистъ. Основное начало убѣжденій его справедливо и возбуждаетъ симпатію публики; но идеи, которыми выражается это основное начало, часто бываютъ парадоксальны и отличаются однимъ важнымъ недостаткомъ, - кабинетностью. Г. -бовь - теоретикъ, иногда даже мечтатель и во многихъ случаяхъ плохо знаетъ дѣйствительность; съ дѣйствительностью онъ обходится подчасъ даже ужь слишкомъ безцеремонно: нагибаетъ ее въ ту и другую сторону, какъ захочетъ, только бѣ поставить ее такъ, чтобъ она доказывала его идею. Пишетъ г. -бовь простымъ, яснымъ языкомъ, хоть и говорятъ про него, что онъ ужь слишкомъ жуесть фразу, прежде чѣмъ положить ее въ ротъ читателю. Ему все какъ-будто кажется, что его не понимаютъ. Впрочемъ это еще небольшой недостатокъ. Ясность и простота языка его заслуживаютъ особеннаго вниманія и похвалы въ наше время, когда въ иныхъ журналахъ

вмѣняютъ даже себѣ въ особую честь неясность, тяжелизну и кудреватость слога, вѣроятно думая, что все это способствуетъ глубокомыслию. Кто-то увѣрялъ насъ, что если теперь иному критику захочется пить, то онъ не скажетъ прямо и просто: принеси воды, а скажетъ навѣрно что-нибудь въ такомъ родѣ:

- Привнеси то существенное начало овлажненія, которое послужитъ къ размягченію болѣе твердыхъ элементовъ, осложнившихся въ моемъ желудкѣ.

Эта шутка отчасти похожа на правду.

Но обратимся къ дѣлу. Почти въ самомъ началѣ своего разбора г. -бовъ говоритъ:

«Въ малороссійскихъ разказахъ мы видѣли злоупотребленія помѣщичьей власти, и злоупотребленія нерѣдко довольно крутыя. Это даже подало, говорятъ, поводъ одному извѣстному русскому критику объявить произведенія Марка Вовчка «мерзостно-отвратительными картинками» <курсив Н. Добролюбова. - Ред.>, и, причисливши ихъ къ обличительной литературѣ, вслѣдствіе этого

отвергнуть въ авторъ ихъ всякій талантъ литературный. Мы не читали статейки строгаго критика, потомучто давно уже перестали интересоваться его литературными приговорами; но тѣмъ не менѣе мы понимаемъ процессъ, посредствомъ котораго онъ составилъ свое заключеніе. Онъ - приверженецъ теоріи «искусства для искусства»; рассказы Марка Вовчка нашли себѣ хвалителей тоже въ числѣ приверженцевъ этой теоріи. Можете себѣ представить, чтъ именно нравилось въ этихъ рассказахъ такимъ хвалителямъ. Мы сами слышали, какъ двое художественныхъ цѣнителей восхищались необыкновенною прелестью и поэтичностью одного мѣста, которое, кажется, такъ читается: «геть, геть, далеко въ полѣ крестъ надъ его могилой виднѣется». Строгий критикъ, осудившій Марка Вовчка, оказался даже нѣсколько благоразумнѣе подобныхъ цѣнителей, понявши, что «геть, геть, далеко въ полѣ» еще не есть чрезвычайная высота художественности. А что онъ ничего другаго не въ состояніи

быль понять въ «Народныхъ Разказахъ», такъ это опять совершенно естественно, и весьма странно быль бы тотъ, кто сталъ бы ожидать отъ него такого пониманья. Тогда онъ сдѣлался бы отступникомъ теоріи «искусства для искусства»; а можетъ ли онъ отступить отъ нея? Безъ нея, чтъ бы онъ сталъ дѣлать на свѣтѣ, куда бы годился онъ?» <Курсив, кроме оговоренного выше случая, Ф. Достоевского. - Ред.>

Остановимся здѣсь. Это мѣсто въ статьѣ г. -бова какъ нельзя лучше оправдываетъ наши предъидущія замѣчанія о взаимныхъ сладкихъ отношеніяхъ обѣихъ литературныхъ партій, т. е. утилитаристовъ и приверженцевъ искусства для искусства. Вражда, преднамѣренныя недоразумѣнія, крайность обвиненій - вотъ что мы видимъ изъ этой выписки. Прежде всего г. -бовъ обвиняетъ художественнаго критика, что онъ, вслѣдствіе полезнаго направленія рассказовъ Марко-Вовчка, назвалъ ихъ мерзостно-отвратительными картинками и, причисливши ихъ къ обличительной литературѣ, вслѣдствіе этого отвергнулъ въ

авторъ всякій талантъ литературный. Хотя это обвиненіе и очень рѣзкое, но мы въ этомъ случаѣ почти рѣшаемся вѣрить г. -бову на слово, потомучто и мы не читали статейки художественнаго критика. Правда, что этотъ критикъ могъ отвергнуть литературный талантъ въ авторъ рассказовъ и не по одному только поводу, что эти рассказы обличительные; мы признаемъ, что въ настоящемъ случаѣ онъ могъ основываться и на другихъ данныхъ. Но г. -бовъ прямо подтверждаетъ наши слова, что приверженцы искусства для искусства, изъ ненависти къ утилитарному направленію, не только отвергають обличительную литературу, всю безъ изъятія, но даже отвергають возможность появленія таланта въ обличительной литературѣ. Повторяемъ, что этому можно повѣрить. За то самъ г. -бовъ впадаетъ съ своей стороны въ грубѣйшую крайность: онъ говоритъ, что еслибъ художественный критикъ могъ понять хоть что-нибудь въ рассказахъ Марко-Вовчка, то измѣнилъ бы себѣ, потомучто тотчасъ же сталъ бы

отступникомъ теоріи искусства для искусства.

Въ ослѣпленіи, въ озлобленіи, а потому и въ несправедливости, еще можно обвинить нѣкоторыхъ приверженцевъ теоріи искусства для искусства. Но чтобъ сама теорія искусства для искусства обладала какимъ-то природнымъ свойствомъ дѣлать изъ своихъ приверженцевъ какихъ-то недоумковъ, умныхъ людей обращать въ оупѣвшихъ и ограниченныхъ - это ужъ несправедливо. Мало ли куда можетъ зайти теорія, партія, ученіе въ какой-нибудь данный моментъ! Не принимать же всякое уклоненіе за общее правило!

Но будемъ продолжать наши выписки.

«Но дѣло не въ приговорахъ художественнаго критика: Богъ съ нимъ, - вѣдь его никто не принимаетъ серьезно, стало быть художественныя потѣхи его остаются совершенно безвредными. Мы имѣемъ въ виду другіе толки, другія мнѣнія, о которыхъ считаемъ удобнымъ поговорить теперь, по поводу книжки Марка Вовчка. Мнѣнія эти довольно

распространены въ извѣстной части нашего общества, называющей себя образованною, и между тѣмъ они обнаруживаютъ непониманіе дѣла и легкомысліе. Мнѣнія, о которыхъ мы говоримъ, касаются характеристики русскаго крестьянина и его отношеній къ крѣпостному праву. Крѣпостное право приходитъ къ своему концу. Но факты, существовавшіе въ теченіе столѣтій, не проходятъ даромъ, не остаются безъ всякаго слѣда. Какое нибудь мѣстничество держится въ нравахъ, спустя два столѣтія послѣ его уничтоженія закономъ; можно ли ожидать, чтобы внезапно пересоздались всѣ отношенія, бывшія слѣдствіемъ крѣпостнаго права? Нѣтъ, еще долго будетъ оно отзываться намъ - и въ книжкахъ, и въ гостинныхъ разговорахъ, и въ цѣломъ устройствѣ нашихъ житейскихъ отношеній. Понятія не только отживающаго поколѣнія, не только того, которое теперь дѣйствуетъ, но и того, которое еще только готовится выступить на общественную дѣятельность, - сложились, если не прямо на основаніи крѣпостнаго

устройства, то во всякомъ случаѣ не безъ сильнаго его вліянія. Крѣпостное начало - было узаконено и принято государствомъ. Теперь это начало отвергнуто, и стало быть понятія и требованія, имъ порожденныя и воспитанныя, находятъ себѣ осужденіе въ томъ самомъ, что прежде служило имъ оградой. Теперь дѣло литературы - преслѣдовать остатки крѣпостнаго права въ общественной жизни и добивать порожденныя имъ понятія. Марко Вовчокъ, въ своихъ простыхъ и правдивыхъ рассказахъ, является почти первымъ и весьма искуснымъ борцомъ на этомъ поприщѣ. Въ послѣднихъ своихъ рассказахъ онъ даже не старается, какъ въ прежнихъ, выставлять передъ нами преимущественно то, что называется обыкновенно «злоупотребленіемъ помѣщичьей власти». Что ужъ толковать о злоупотребленіи того, что само по себѣ дурно! Что ужъ говорить о такихъ явленіяхъ, къ которымъ подавало поводъ крѣпостное право, но безъ которыхъ оно могло иногда и обходиться! Нѣтъ, авторъ

береть теперь нормальное положеніе крестьянина у помѣщика, не <курсив Н. Добролюбова. - Ред.> злоупотребляющаго своимъ правомъ, - и кротко, безъ гнѣва, безъ горечи рисуеть намъ это положеніе. И изъ этихъ очерковъ, - въ которыхъ каждый, кто хоть немного имѣлъ дѣло съ русскимъ народомъ, узнаеть знакомыя черты, - изъ этихъ очерковъ возстаеть передъ нами характеръ русскаго простолюдина, сохранившій основныя черты свои посреди всѣхъ обезличивающихъ, давящихъ отношеній, которымъ онъ былъ подчиненъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. На нѣкоторыя черты этого характера мы и хотимъ теперь обратить вниманіе.» <Курсив, кроме оговоренного выше случая, Ф. Достоевскаго. - Ред.>

Эту выписку мы сдѣлали потому, что она служить предисловіемъ и введеніемъ г. -бова въ его разборъ Марко-Вовчка. Здѣсь онъ отчасти излагаетъ свой взглядъ на Марко-Вовчка. Обратите вниманіе на строчки, отмѣченныя нами курсивомъ. Г. -бовъ признаеть, что рассказы Марко-

Вовчка просты и правдивы, что Марко-Вовчокъ является въ нихъ весьма искуснымъ борцомъ на этомъ поприщѣ, и что изъ этихъ очерковъ, - въ которыхъ каждый, кто хоть немного имѣлъ дѣло съ русскимъ народомъ, узнаеть знакомыя черты, - изъ этихъ очерковъ возстаетъ передъ нами характеръ русскаго простолюдина. Замѣтите эти слова г. -бова. Изъ нихъ видно, что онъ признаеть за Марко-Вовчкомъ, кромѣ ума и знанія дѣла, и умѣнье излагать свои знанія и наблюденія, однимъ словомъ - признаеть за нимъ талантъ литературный.

Затѣмъ у г. -бова слѣдуютъ нѣсколько превосходныхъ страницъ, въ которыхъ излагаются разныя теоріи и воззрѣнія, существующія въ настоящее время между нѣкоторыми господами на счетъ русскаго простонародья. Это великолѣпное мѣсто (впрочемъ еще не лучшее въ статьѣ г. -бова) могло бы дать тѣмъ изъ читателей нашихъ, которые незнакомы съ талантомъ г. -бова, понятіе о томъ, чѣмъ, какъ и почему этотъ писатель заставилъ публику

читать себя. Не выписываемъ этого мѣста (хотя бы намъ очень хотѣлось выписать его цѣликомъ), потомучто не разбираемъ теперь всего г. -бова, а только взгляды его на искусство. Постороннія же выписки нарушили бы единство нашей статьи. Но на слѣдующую выписку просимъ обратить особенное вниманіе. Въ ней г. -бовъ разсматриваетъ Марко-Вовчка отчасти и какъ художника, не признаетъ въ авторѣ рѣшительнаго художественнаго таланта, но тутъ же говоритъ, что въ немъ замѣтна широта пониманья той жизни, которую онъ изображаетъ, и что тѣмъ-то эти рассказы и нравятся ему, г. -бову. Мало того, г. -бовъ даже увлекается: какъ умный человѣкъ, онъ могъ увидать пружины, замѣтить намеки и намѣренія автора; могъ даже, по нѣкоторымъ запутаннымъ и безсвязнымъ черточкамъ, заключить, что авторъ говоритъ или желаетъ говорить о томъ-то и о томъ-то, и вотъ, отъ радости, что заговорили о томъ-то и о томъ-то, онъ до того благодаренъ автору, что готовъ находить въ его рассказахъ и присутствіе

русскаго духа, и знакомые образы (простонародья) и проч. и проч., а это уже есть признаки художественности, которой онъ самъ не признаетъ въ авторѣ. Главное дѣло, что г. -бовъ доволенъ и безъ художественности; только чтобъ говорили о дѣлѣ. Послѣднее желаніе конечно похвальное, но пріятнѣе было бы, еслибъ и о дѣлѣ говорили хорошо, а не какъ-нибудь³.

Но вотъ это мѣсто его статьи:

«Надо замѣтить прежде всего, что характеры эти не воспроизведены со всей художественною полнотою, а только лишь намѣчены въ коротенькихъ рассказахъ Марка Вовчка. Мы не можемъ искать у него эпопеи нашей народной жизни, - это было бы ужь слишкомъ много. Такой эпопеи мы можемъ ожидать въ будущемъ, а теперь покамѣстъ нечего еще и думать о ней. Сознаніе народа далеко еще не вошло

³ Спѣшимъ оговориться. Отзываясь такимъ образомъ о сочиненіяхъ Марко-Вовчка, мы имѣемъ въ виду только первую повѣсть въ его рассказахъ изъ великорусскаго быта «Маша». Мы не можемъ не согласиться, что въ другихъ его рассказахъ есть много чрезвычайно талантливыхъ страницъ, хотя въ цѣломъ ни одинъ рассказъ не выдержанъ. Дѣйствительность часто идеализирована, представлена неправдоподобно, а между тѣмъ вы сами знаете, что все это, представленное неправдоподобнымъ, дѣйствительно можетъ быть въ жизни, и досадуете, что оно не оправдано. Мы впрочемъ говоримъ объ однихъ великорусскихъ рассказахъ и не трогаемъ рассказовъ изъ малороссійскаго быта. <Примеч. автора. - Ред.>

у насъ въ тотъ періодъ, въ которомъ оно должно выразить все себя поэтическимъ образомъ; писатели изъ образованнаго класса до сихъ поръ почти всѣ занимались народомъ, какъ любопытной игрушкой, вовсе не думая смотрѣть на него серьёзно. Сознаніе значенія народа едва начинается у насъ, и рядомъ съ этимъ смутнымъ сознаніемъ появляются серьёзныя, искренно и съ любовью сдѣланныя наблюденія народнаго быта и характера. Въ числѣ этихъ наблюденій едва ли не самое почетное мѣсто принадлежитъ очеркамъ Марка Вовчка. Въ нихъ много отрывочнаго, недосказаннаго, иногда фактъ берется случайный, частный, рассказывается безъ поясненія его внутреннихъ или внѣшнихъ причинъ, не связывается необходимымъ образомъ съ обычнымъ строемъ жизни. Но строгой оконченности и всесторонности, повторяемъ, невозможно еще требовать отъ нашихъ рассказовъ изъ крестьянской жизни, она еще не открываетъ намъ себя во всей полнотѣ, да и то, что открыто намъ, мы не всегда умѣемъ или не всегда можемъ

хорошо выразить. Для насъ довольно и того, что въ разсказахъ Марка Вовчка мы видимъ желаніе и умѣнье прислушиваться къ народной жизни: мы чуемъ въ нихъ присутствіе русскаго духа, встрѣчаемъ знакомые образы, узнаемъ ту логику, тѣ чувства, которыя мы и сами замѣчали когда-то, но пропускали безъ вниманія. Вотъ чѣмъ и дороги для насъ эти разсказы; вотъ почему и цѣнимъ мы такъ высоко ихъ автора. Въ немъ видимъ мы глубокое вниманіе и живое сочувствіе, въ немъ находимъ мы широкое пониманіе той жизни, на которую смотрятъ такъ легко и которую понимаютъ такъ узко и убого многіе изъ образованнѣйшихъ нашихъ экономистовъ, славянистовъ, юристовъ, нувеллистовъ и проч. и проч.» <Курсив Ф. Достоевскаго. - Ред.>

А теперь, послѣ этой выписки, мы перейдемъ къ самому разбору г. -бовымъ перваго разсказа Марка-Вовчка: Маша. Мы рѣшаемся выписать этотъ разборъ цѣликомъ. Намъ хочется, чтобъ читатель самъ познакомился съ этимъ разсказомъ,

не смотря на то, что передаетъ этотъ рассказъ и дѣлаетъ изъ него выписки самъ г. -бовъ, - сторонникъ, любитель и заступникъ таланта Марко-Вовчка.

«Мы помнимъ первое появленіе этого рассказа, говоритъ г. -бовъ. Люди, еще вѣрующіе въ неприкосновенность крѣпостнаго права, пришли отъ него въ ужасъ. А въ рассказѣ раскрывается естественное и ничѣмъ незаглушимое развитіе въ крестьянской дѣвочкѣ любви къ самостоятельности и отвращенія къ рабству. Ничего преступнаго тутъ нѣтъ, какъ видите; но на приверженцевъ крѣпостныхъ отношеній подобный рассказъ дѣйствительно долженъ былъ произвести потрясающее дѣйствіе. Онъ залеталъ въ ихъ послѣднее убѣжище, которое они считали неприступнымъ. Видите ли, они, какъ люди гуманные и просвѣщенные, согласились, что крѣпостное право въ основаніи своемъ несообразно съ успѣхами современнаго просвѣщенія. Но вслѣдъ за тѣмъ они говорили, что вѣдь мужикъ еще не созрѣлъ до настоящей

самостоятельности, что онъ о ней и не думаетъ, и не желаетъ ея, и вовсе не тяготится своимъ положеніемъ, - развѣ ужъ только гдѣ барщина очень тяжела и прикащикъ крутъ... «Да и помилуйте, откуда заберется мужику въ голову мысль о свободѣ? Книгъ онъ не читаетъ вовсе никакихъ; съ литераторами незнакомъ; дѣла у него довольно, такъ что утопій сочинять и не досугъ... Живетъ онъ себѣ, какъ жили отцы и дѣды, и если его теперь хотятъ освободить, такъ это чисто по милости, по великодушію... И повѣрьте, что мужикъ нескоро еще очнется, нескоро въ толкъ возьметъ, что такое и зачѣмъ даютъ ему... Многіе, очень многіе еще всплачутся по прежней жизни.» Такъ увѣряли умные и просвѣщенные люди, и считали невозможнымъ всякое возраженіе. И вдругъ, представьте себѣ - прямо оспаривается дѣйствительность факта, на который они ссылаются. Имъ рассказываютъ случай, доказывающій, что и въ крестьянскомъ сословіи естественна любовь къ свободному труду и независимой

жизни, и что развитие этого чувства не нуждается даже въ пособіи литературы. Вотъ какой простой <курсивъ Ф. Достоевского. - Ред.> случай имъ рассказываютъ.

У крестьянской старушки воспитываются двѣ сироты: племянница ея Маша и племянникъ Ѳедя. Ѳедя - какъ быть мальчикъ, веселый, смирный, покорный; а Маша съ малолѣтства выказываетъ большую своеобразность. Она не довольствуется тѣмъ, чтобы выслушать приказаніе, а непременно требуетъ, чтобы сказали ей, зачѣмъ и почему; ко всему она прислушивается и присматривается и чрезвычайно рано обнаруживаетъ склонность имѣть свое сужденіе. Будь бы дѣвочка у строгаго отца съ матерью, у нея эту дурь, разумѣется, мигомъ бы выбили изъ головы, какъ обыкновенно и дѣлается у насъ съ сотнями и тысячами дѣвочекъ и мальчиковъ, обнаруживающихъ въ дѣтствѣ излишнюю пытливость и неумѣстную претензію на преждевременную дѣятельность разсудка. Но къ счастью или

несчастью Маши, тетка ея была добрая и простая женщина, которая не только не карала Машу за ея юркость, но даже и сама-то ей поддавалась и очень конфузилась, когда не могла удовлетворить распросамъ племянницы или переспорить ее. Такимъ образомъ Маша получила убѣжденіе, что она имѣетъ право думать, спрашивать, возражать. Этого ужъ было довольно. На седьмомъ году случилось съ ней происшествіе, которое дало особенный оборотъ всѣмъ ея мыслямъ. Тетка съ Ѳедей поѣхала въ городъ; Маша осталась одна караулить избу. Сидитъ она на заваленкѣ и играетъ съ ребятишками. Вдругъ проходитъ мимо барыня; остановилась, посмотрѣла и говоритъ Машѣ: «что это такъ разшумѣлась? Свою барыню знаешь? А? чья ты?» Маша оробѣла, что ли, не отвѣтила, а барыня то ее и выбранила: «дура растешь, не умѣешь говорить». Маша въ слезы. Барынѣ жалко стало. «Ну, поди, говоритъ ко мнѣ, дурочка». Маша нейдетъ: барыня приказываетъ ребятишкамъ подвести къ ней Машу. Маша ударилась

бѣжать, да такъ и не пришла домой. Воротилась тетка съ Ѳедей изъ города, - нѣтъ Маши; пошли искать, искали-искали, не нашли; ужъ на возвратномъ пути она сама къ нимъ вышла изъ чьего-то коноплянника. Тетка хотѣла ее домой вести, - нейдетъ. «Меня, говоритъ, барыня возьметъ, не пойду я». Кое-какъ тетка ее успокоила и тутъ же ей наставленіе дала, что надо барыню слушаться, хоть она и сурово прикажетъ.

«- А если не послушаешься? промолвила Маша.

- Тогда горя не оберешься, голубчикъ, говорю⁴. - Любо развѣ кару-то принимать?..

А Ѳедя даже смутился, смотреть на сестру во всѣ глаза.

- Убѣжать можно, говоритъ Маша, - убѣжать далеко... Вотъ Тростянскіе лѣтось бѣгали.

- Ну, и поймали ихъ, Маша... А которые на дорогѣ померли.

- А пойманныхъ-то въ острогъ посадили, распинали всячески, говоритъ Ѳедя.

⁴ Разсказъ ведень отъ лица тетки. <Примеч. Н. Добролюбова. - Ред.>

- Натерпѣлись они и стыда и горя, дитятко, - я говорю; а Маша все свое: «да чего всѣ за барыню такъ стоять?»

- Она барыня - толкуемъ ей, - ей права даны, у ней казна есть... такъ ужь ведется.

- Вотъ что, сказала дѣвочка. - А за насъ-то кто жь стоитъ?

Мы съ Ѳедей переглянулись: что это на нее нашло?

- Неразумная ты головка, дитятко, говорю.

- Да кто жь за насъ? твердить.

- Сами мы за себя, да Богъ за насъ, отвѣчаю ей» (стр. 29).

И съ той поры у Маши только и рѣчей, что про барыню. «И кто ей отдасть насъ? и какъ? и зачѣмъ? и когда? Барыня одна, говорить, а насъ-то сколько! Пошли бы себѣ отъ нея, куда захотѣли: что она сдѣлаетъ?» Старушка-тетка, разумѣется, не могла удовлетворить Машу, и дѣвочка должна была сама доходить до разрѣшенія своихъ вопросовъ. Между тѣмъ скоро пришлось ей примѣнить и на практикѣ свой образъ мыслей. Барыня вспомнила про

Машу и велѣла старостѣ посылать ее на работу въ барскій садъ. Маша уперлась: «не пойду», говоритъ, да и только. Теткѣ стало жалко дѣвочку: сказала старостѣ, что больна Маша. За эту отговорку и ухватилась дѣвчонка: какъ только господская работа, она больна. Ужь барыня и къ себѣ ее требовала и допрашивала: «чѣмъ больна?» - «Все болитъ», отвѣчаетъ Маша. Барыня побранить, погрозить и прогнать ее. А на другой разъ опять тоже.

Сколько ни уговаривалъ Машу братъ ея, сколько ни просила тетка - ничто не помогало. Маша не только не хотѣла работать, да еще при этомъ и держала себя такъ, какъ будто бы она была въ полномъ правѣ, какъ будто бы тѣ, что она дѣлала, такъ и должно было дѣлать ей. Она не хотѣла, напримѣръ, попросить у барыни, чтобъ освободила ее отъ работы. «Стоило только поклониться, попроситься, - разсуждаетъ тетка, - барыня ее отпустила бы сама: да не такая была Маша наша. Она, бывало, и глазъ-то на барыню не подниметь, и голосъ-то глухо звучить... А

вѣдь извѣстенъ нравъ барскій: ты обмани - да поклонись низко, ты злой человѣкъ - да почтителенъ будь, просися, молися: ваша, моль, власть казнить и миловать - простите! и все тебѣ простится; а чуть возмущился сердцемъ, слово горькое сорвалось, - будь ты и правдивъ и честенъ, - милости надъ тобой не будетъ: ты грубіянь! Барыня наша за добрую, за жалостливую слыла, а вѣдь какъ она Машу донимала! «Погодите, - бывало на насъ грозитя, - я васъ всѣхъ проучу!» Хоть она и не карала еще, да съ такими посулками время невесело шло».

А въ Машѣ отвращеніе отъ барской работы дошло до какого-то ожесточенія, вызывало ее на бессознательный, безумный героизмъ <курсив Ф. Достоевского. - Ред.>. Разъ братъ упрекнулъ ее, что она отъ работы отговаривается болѣзною, а въ пляскахъ да играхъ передъ всей деревней отличается. «Развѣ, говоритъ, ты думаешь, до барыни не дойдетъ? Нехорошо, что ты насъ подъ барскій гнѣвъ подводишь». Послѣ этого Маша перестала ходить на улицу. Скучно ей, тоскливо смотреть она

изъ окошка на игры подругъ, слеза бѣжитъ у ней по щекѣ, а не выйдетъ изъ избы. Тетка стала посылать ее къ подругамъ, братъ сталъ упрасивать, чтобы она перестала сердиться на его попрекъ: «я, говоритъ, - Одея, не сердита, а только ты не упрасивай меня понапрасну, - не пойду». Такъ и не ходила, а по ночамъ не спала да по огороду все гуляла, одна одинешенька; и никому того не сказывала, - да разъ невзначай тетка ее подстерегла... «Богъ съ тобой, Маша, говоритъ ей тетка. - Жить бы тебѣ, какъ люди живутъ. Отбыла барщину, да и не боишься ничего... А то вотъ по ночамъ бродишь, а днемъ показаться за ворота не смѣешь». - «Не могу, шепчетъ, не могу! Вы хоть убейте меня - не хочу». Такъ и оставили ее.

Между тѣмъ Маша выросла, стала невѣстой, красавицей. Старуха-тетка начинаетъ ей загадывать о замужней жизни и пророчить счастье замужемъ. Но Машѣ и то не по нраву: «что жъ замужемъ-то, - одинаково, говоритъ. - Какое счастье!...» Тетка толкуетъ, что не все горе на свѣтѣ,

есть и счастье. «Есть да не про нашу честь», отвѣчаетъ Маша. Слушая такія рѣчи, и Ѳедя начинаетъ задумываться. Но Ѳедя не можетъ предаваться своимъ думамъ: онъ отбываетъ барщину. Маша же продолжаетъ упорно отказываться отъ всякой работы. Всѣ на деревнѣ стали дивиться и роптать на бездѣлье Маши, а барыня однажды такъ разсердилась, что велѣла немедленно силою привести къ себѣ Машу. Привели ее. Барыня бросилась къ ней, бранится и серпъ ей въ руки суетъ: «выжни мнѣ траву въ цвѣтникѣ». Да и стала надъ нею: «жни!» Маша какъ взмахнула серпомъ - прямо себѣ по рукѣ угодила. Кровь брызнула, барыня перепугалась: «ведите ее домой скорѣе! вотъ платочекъ - руку перевязать!» Тѣмъ дѣло и кончилось; Маша не оцѣнила даже барской милости: какъ пришла домой, такъ сорвала съ руки барынинъ платочекъ и далеко отъ себя бросила...

Упрямое сопротивленіе Маши всякому наряду на работу, ея тоска, ея странные запросы - дурно подѣйствовали на ея брата.

И онъ закручинился, и онъ отъ работы отбился. Старуха-тетушка нашла, что парня пора женить, и говорить ему разъ о невѣстахъ. «Коли свои, говорить, не по нраву, такъ бы въ Дерновку съѣздилъ, тамъ есть дѣвушки хорошія». - «Дерновскіе всѣ вольные», отозвалась Маша. - «Чтожь что вольные, вразумляетъ тетка... Развѣ вольные не выходятъ за барскихъ? Лишь бы имъ женихъ нашъ приглянулся». - «Если бы я вольная была, - заговорила Маша, а сама такъ и задрожала, - я бы, говорить, лучше на плаху головою». - Ѳедя очень огорчился этимъ отзывомъ. «Ужь очень ты барскихъ-то обижаешь, Маша, проговорилъ онъ, и въ лицѣ измѣнился: - они тоже вѣдь люди Божіи; только-что несчастные». Да и вышелъ съ тѣмъ словомъ... Тетка начала по обычаю уговаривать Машу, говоря, что кручиной да слезами своей судьбѣ не поможешь, а развѣ-что вѣку не доживешь. А Маша отвѣчаетъ, что оно и лучше умереть-то скорѣе. «Что мнѣ тутъ-то, говорить, - на свѣтѣ-то?»

Такъ живетъ бѣдная семья, страдающая отъ неумѣстно-поднятыхъ и незаконно разросшихся вопросовъ и требованій дѣвочки. У дурной помѣщицы, у сердитаго управляющаго подобная блажь имѣла бы конечно очень дурной конецъ. Но рассказъ представляетъ намъ добрую, кроткую помѣщицу, да еще съ либеральными наклонностями. Она рѣшилась дать позволеніе своимъ крестьянамъ выкупаться на волю. Можно представить себѣ, какъ подѣйствовало это извѣстіе на Машу и Ѳедю. Но мы не можемъ удержаться, чтобы не выписать здѣсь вполнѣ двухъ маленькихъ главъ, составляющихъ заключеніе этого рассказа Марка Вовчка.

А Ѳедя все сумрачнѣй да угрюмѣй, а Маша въ глазахъ у меня таетъ... слегла. Одинъ разъ я сижу подлѣ нея - она задумалась крѣпко; вдругъ входитъ Ѳедя - бодро такъ, весело: «здравствуйте», говоритъ. Я-то обрадовалась: «здравствуй, здравствуй, голубчикъ!» Маша только взглянула: чего, молъ, веселье такое?

- Маша, говорить Оедя: - ты умирать собиралась, - молода еще видно ты умирать-то.

Самъ посмѣивается. Маша молчить.

- Да ты очнись, сестрица, да прислушайся: я тебѣ вѣсточку принесъ.

- Богъ съ тобой, и съ вѣсточкой, отвѣтила. Ты - себѣ веселись, Оедя, а мнѣ покой дай.

«Какая вѣсточка, Оедя, скажи мнѣ», спрашиваю.

- Услышь, тетушка милая! - и обняль меня крѣпко-крѣпко и поцаловаль. - Очнись, Маша! за руку Машу схватиль и приподняль ее. - Барыня объявила намъ: кто хочеть откупаться на волю - откупайся...

Какъ вскрикнетъ Маша, какъ бросится брату въ ноги! Цалуеть и слезами обливаетъ, дрожить вся, голосъ у ней обрывается: «откупи меня, родной, откупи! Благослови тебя Господи! Милый мой! откупи меня! Господи! помоги же намъ, помоги!...»

Өедя-то самъ рѣкою разливается, а у меня сердце покатилося, - стою, смотрю на нихъ.

- Погоди жь, Маша, проговорилъ Өедя, - дай опомниться-то! Обсудить, обдумать надо хорошенько.

- Не надо, Өедя! Откупайся скорѣй... скорѣй, братецъ милый!

- Помѣхи еще есть, Маша, я вступилася: - придется продать почитай послѣднее. Какъ, чѣмъ кормиться-то будемъ?

- Я буду работать... Братецъ! безустанно буду работать. Я выпрошу, выплачу у людей... Я закабалюсь, куды хочешь, только выкупи ты меня! Родной мой, выкупи! Я вѣдь изныла вся! Я дня веселаго, сна спокойнаго не знала! Пожалѣй ты моей юности! Я вѣдь не живу - я томлюсь... Охъ, выкупи меня, выкупи! Иди, иди къ ней... <Курсив Н. Добролюбова. - Ред.>

Одѣваетъ его, торопитъ, сама молитъ-рыдаеть... Я и не опомнилась, какъ она его выпроводила... Сама по избѣ ходить, руки ломаетъ... И мое сердце трепещетъ, словно въ молодости, - вотъ что затѣвается!

Трудно мнѣ было сообразиться, еще труднѣй успокоиться...

Ждемъ мы Оедю, ждемъ не дождемся! Какъ завидѣла его Маша, горько заплакала, а онъ намъ еще издали кричить: «славу Богу!»

Маша такъ и упала на лавку, долго, долго еще плакала... Мы унимать: «пускай поплачу, говорить, - не тревожьте; сладко мнѣ и любо, словно я на свѣтъ Божій нарождаюсь съизнову! Теперь мнѣ работу давайте. Я здорова... Я сильная какая, еслибъ вы знали»!..

Вотъ и откупились мы. Избу, все продали... Жалко мнѣ было покидать, и Оедѣ сгрустнулось: садиль, растиль, - все прощай! Только Маша веселая и бодрая - слезки она не выронила. Какое! Словно она изъ живой воды вышла, - въ глазахъ блескъ, на лицѣ румянецъ; кажется, что каждая жилка радостью дрожить... Дѣло такъ и кипить у нея... «Отдохни, Маша!» - «Отдыхать? я работать хочу!» - и засмѣется весело. Тогда я впервые узнала, что за смѣхъ у нея звонкій! Тогда Маша

бѣлоручкой слыла, а теперъ Машу первой рукодѣльницей, первой работницей величаютъ. И женихи къ намъ толпой... А барыня-то гнѣвалась - Боже мой! Сосѣди смѣются: «холопка глупая васъ отуманила! Она нарочно больною притворилась... Вѣдь вы, небось, даромъ почти ее отпустили?» Барыня и въ правду Машей не дорожилась.

Поселились мы въ избушкѣ ветхой, въ городѣ, да трудиться стали. Богъ намъ помогаль, мы и новую избу срубили... Оедя женился. Маша замужъ пошла... Свекровь въ ней души не слышитъ: «она меня словно дочь родная утѣшаетъ; что это за веселая! что это за работающая! больна съ той поры не бывала».

Къ этому первому разсказу г. -бовь дѣлаетъ небольшое вступленіе. Но вы уже прочли его. Г. -бовь утверждаетъ, что при появленіи этого разсказа люди, еще вѣрующіе въ неприкосновенность крѣпостного права, пришли отъ него въ ужасъ и что «въ разсказѣ раскрывается естественное и ничѣмъ не заглушимое развитіе въ крестьянской дѣвчкѣ любви къ

самостоятельности и отвращенія къ рабству.» Намъ какъ-то странно слышать про ужасъ людей, еще вѣровавшихъ въ неприкосновенность крѣпостного права и проч. Не понимаемъ, про какихъ это людей говоритъ г. -бовъ и много ли онъ ихъ видѣлъ? И хотя наше замѣчаніе не касается прямо литературнаго вопроса, о которомъ идетъ наша статья, но мы не можемъ удержаться чтобъ не сдѣлать его. Кто хоть сколько-нибудь знаетъ русскую дѣйствительность, тотъ согласится тотчасъ же, что у насъ всѣ, рѣшительно всѣ, и цивилизованные и нецивилизованные, и образованные и необразованные, за немногими, быть можетъ, исключеніями, давнымъ давно и отлично хорошо знаютъ о степени того развитія, о которомъ говоритъ авторъ. Не говоримъ уже о нѣкоторомъ комизмѣ предположенія, что маленькій рассказъ могъ такъ потрясти такую огромную массу людей; мало того: привести ихъ въ ужасъ. «Имъ рассказывается случай, говоритъ г. -бовъ, доказывающій, что и въ крестьянскомъ сословіи

естественна любовь къ свободному труду и независимой жизни и что развитіе этого чувства не нуждается даже въ пособіи литературы. Вотъ какой простой <курсивъ Ф. Достоевского. - Ред.> случай имъ разсказываютъ.»

Разсказывать такіе случаи и разсказывать съ талантомъ, умѣючи, съ знаніемъ дѣла, - всегда полезно, не смотря на то, что такіе случаи давнымъ давно извѣстны. На то и талантъ у писателя, чтобъ произвести впечатлѣніе. Можно знать фактъ, видѣть его самолично сто разъ и все-таки не получить такого впечатлѣнія, какъ если кто-нибудь другой, человѣкъ особенный, станетъ подлѣ васъ и укажетъ вамъ тотъ же самый фактъ, но только по своему, объяснить вамъ его своими словами, заставить васъ смотрѣть на него своимъ взглядомъ. Этимъ-то вліяніемъ и познается настоящій талантъ. Но если разсказывать теперь, въ настоящую минуту, о любви къ свободному труду и разсказывать для того, чтобъ доказать, что такой фактъ существуетъ, такъ вѣдь это все

равно, какъ еслибъ кто сталъ доказывать, что человѣку надобно пить и ѣсть. Теперь просимъ читателя обратить вниманіе на этотъ самый рассказъ, на этотъ простой случай, какъ выражается г. -бовъ. Скажите: читали ли вы когда-нибудь, что-нибудь болѣе неправдоподобное, болѣе уродливое, болѣе безтолковое, какъ этотъ рассказъ? Что это за люди? Люди ли это наконецъ? Гдѣ это происходитъ: въ Швеціи, въ Индіи, на Сандвичевыхъ островахъ, въ Шотландіи, на лунѣ? Говорятъ и дѣйствуютъ сначала какъ-будто въ Россіи; героиня - крестьянская дѣвушка; есть тетка, есть барыня, есть братъ Ѳедя. Но что это такое? Эта героиня, эта Маша, - вѣдь это какой-то Христофоръ Колумбъ, которому не даютъ открыть Америку. Вся почва, вся дѣйствительность выхвачена у васъ изъ-подъ ногъ. Нелюбовь къ крѣпостному состоянію конечно можетъ развиваться въ крестьянской дѣвушкѣ, да развѣ такъ она проявится? Вѣдь это какая-то балаганная героиня, какая-то книжная, кабинетная строка, а не женщина? Все это до того

искусственно, до того подсочинено, до того манерно, что въ иныхъ мѣстахъ (особенно когда Маша бросается къ брату и кричитъ: «откупи меня!») мы, наприимѣръ, не могли удержаться отъ самаго веселаго хохота. А развѣ такое впечатлѣніе должно производить это мѣсто въ повѣсти? Вы скажете, что надо уважать инья положенія, и за идею простить нѣкоторую неудачу въ ея выраженіи. Согласны и увѣряемъ васъ, что мы не смѣемся надъ вещами священными, но и вы согласитесь сами, что нѣтъ такой идеи, такого факта, котораго бы нельзя было опозлить и представить въ смѣшномъ видѣ. Можно долго крѣпиться, но наконецъ и расхохочешься, не утерпишь. Теперь предположимъ, что всѣ защитники настоящаго крестьянскаго быта дѣйствительно, какъ увѣряетъ г. -бовъ, не вѣрятъ, что крестьянинъ желаетъ выйдти на волю. Убѣдить ли хоть кого-нибудь изъ нихъ подобный рассказъ въ томъ, что они ошибаются? «Да это неправдоподобно!» закричатъ они... но послушаемъ самого г. -бова.

«Фантазія! Идиллія! Мечты золотого вѣка!» - закричали послѣ этого разсказа практическіе люди съ гуманными взглядами, но съ тайною симпатіею къ крѣпостнымъ отношеніямъ. «Гдѣ это видано, чтобы въ простой мужицкой натурѣ могло въ такой степени развиваться сознание своей личности? Если когда-нибудь и бывало что нибудь подобное, такъ это эксцентрической случай, обязанный своимъ происхожденіемъ какимъ нибудь особеннымъ обстоятельствомъ... Разсказъ о Машѣ вовсе не представляетъ картины изъ русскаго быта; онъ есть просто заоблачная выдумка. Авторъ взялъ не типъ русской простой женщины, а явленіе исключительное, и потому разсказъ его фальшивъ и лишонъ художественнаго достоинства. Требованіе художественности состоитъ въ томъ, чтобы воплощать», и проч...

Тутъ почтенные ораторы пускались въ разсужденія о художественности и чувствовали себя совершенно въ своей тарелкѣ.

Но людямъ, не заинтересованнымъ въ дѣлѣ, и въ голову не пришло возражать противъ естественности такого факта, какой рассказанъ въ «Машѣ». Напротивъ, онъ казался нормальнымъ для всякаго, знакомаго съ крестьянской жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, неужели возможно отвергать въ крестьянинѣ присутствіе того, что мы считаемъ необходимой принадлежностью человѣческаго смысла у cadaго изъ людей? Это ужъ было бы слишкомъ...

Но пожалуй разсуждайте какъ угодно, факты докажутъ вамъ, что такія лица, какъ Маша и Ѳедя, далеко не составляютъ исключенія въ массѣ русскаго народа.»

Пусть почтенный авторъ пускается въ разсужденія и въ доказательства того, что крестьянинъ дѣйствительно можетъ чувствовать потребность самостоятельности и сознать, что свободное состояніе лучше крѣпостного (въ чемъ ровно никто не сомнѣвается), пусть тратитъ на эти доказательства необыкновенное краснорѣчіе, какъ будто дѣйствительно нужно кому-нибудь доказывать, что

крестьянинъ можетъ мыслить, и пусть, въ восторгѣ своемъ, даже доказываетъ, что явленіе Маши нормально, и доказываетъ на томъ основаніи, что она могла замѣчать, разсуждать, мечтать, чувствовать и наконецъ сознать свое положеніе. Все это справедливо, г. -бовъ; мы вамъ и безъ краснорѣчія на слово вѣримъ, что все это справедливо, потому что сами знаемъ уже давно, что все это справедливо: крестьянская дѣвушка дѣйствительно можетъ и разсуждать и догадываться и сознавать и чувствовать отвращеніе и проч. и проч. Но развѣ такъ все это должно проявиться, какъ представлено въ повѣсти? развѣ въ ней не представлено все такъ, что вѣроятное сдѣлано невѣроятнымъ, что все это происходитъ на Сандвичевыхъ островахъ, а не въ Россіи. Вы говорите:

«Да, мы находимъ, что въ «Машѣ» разсказанъ не исключительный случай, - какъ претендуютъ землевладѣльцы и художественные критики. Напротивъ, въ личности Маши схвачено и воплощено стремленіе, общее всей массѣ русскаго

народа. А если потребность возстановить независимость своей личности существуетъ, то во всякомъ случаѣ она проявится въ фактахъ народной жизни.»

Позвольте, г. -бовъ. Если мы рѣшились сдѣлать такія длинныя выписки изъ вашей критики, то это вовсе не для того, чтобъ говорить о Маркѣ-Вовчкѣ и о вопросахъ, которые онъ затрогиваетъ въ своихъ рассказахъ. Мы замѣтили въ самомъ началѣ нашей статьи, что нигдѣ такъ ярко вы, предводитель утилитаризма въ искусствѣ, не высказываете вашихъ идей объ искусствѣ, какъ въ этомъ разборѣ. Теперь мы именно пришли къ той цѣли, для которой дѣлали наши длинныя выписки. Мы хотѣли показать, что утилитаристы, презирая искусствомъ и художественностью и не ставя ихъ на первый планъ въ дѣлѣ литературы, идутъ прямохонько противъ самихъ себя. Мало того: вредятъ дѣлу, которому сами служатъ, и мы вамъ это докажемъ.

Посмотрите: вы утверждаете, что искусство для искусства дѣлаетъ человѣка

даже неспособнымъ понимать
необходимость дѣльнаго направленія въ
литературѣ; вы сами говорили это
художественному критику. Мало того:
передразнивая художниковъ, которыхъ вы
ставите всѣхъ (замѣтите: всѣхъ) на одну
доску съ плантаторами, вы кричите, будто
бы ихними словами, послѣ прочтенія
разказа: Маша: «фантазія, идиллія! мечты
золотого вѣка! Гдѣ это видано, чтобы въ
простой мужицкой натурѣ могло въ такой
степени развиться сознаніе своей
личности?» Отвѣчаемъ: Въ простой
мужицкой натурѣ развивались и не такія
вещи, да и не въ видѣ исключенія, а чуть не
сподрядъ; все это мы знаемъ и всему этому
вѣримъ. Но вѣдь видимъ же мы, что вы
сами чувствуете всю нелѣпость того, какъ
представлено дѣло въ разказѣ Вовчка,
иначе не стали бы вы пускаться въ такую
горячую защиту разказа, въ
передразниваніе художниковъ, которыхъ вы
выругали плантаторами. Выслушайте-ка
теперь насъ, - не совѣты, не приговоры
наши, а просто наши соображенія при

настоящемъ случаѣ. Мы въ старинномъ спорѣ объ искусствѣ не участвовали, къ литературнымъ партіямъ доселѣ не принадлежали, пришли съ вѣтру и люди свѣжіе, по крайней мѣрѣ безпристрастные. Благоволите же выслушать:

Во-первыхъ прежде всего увѣряемъ васъ, что не смотря на любовь къ художественности и къ чистому искусству, мы сами алчемъ, жаждемъ хорошаго направленія и высоко его цѣнимъ. И потому поймите наше главное: мы на Марко-Вовчка нападаемъ вовсе не потому, что онъ пишетъ съ направлениемъ; напротивъ, мы его слишкомъ хвалимъ за это и готовы бы радоваться его дѣятельности. Но мы именно за то нападаемъ на автора народныхъ рассказовъ, что онъ не умѣлъ хорошо сдѣлать свое дѣло, сдѣлалъ его дурно и тѣмъ повредилъ дѣлу, а не принесъ ему пользу. Поймите же насъ, - мы не хотимъ быть дурно понятыми и оклеветанными. Чему вы сами радуетесь въ этихъ рассказахъ? Что въ нихъ дѣльные мысли; видѣнъ умъ, хорошій, правдивый взглядъ на

вещи? такъ? Но предположивъ только, что ваша идея справедлива, то есть что защитники настоящаго крестьянскаго быта, какъ говорите вы, не вѣрують, что мужику хочется на свободу, повторяемъ: неужели вы убѣдите ихъ этимъ рассказомъ? Вы прямо говорите, что этотъ рассказъ «залетаетъ въ ихъ послѣднее убѣжище», слѣдовательно вѣрите въ его полезность. А между-тѣмъ ваши противники прямо отвѣтятъ вамъ: «Вы утверждаете, что это случай повсемѣстный, и выходите изъ себя, чтобъ доказать это; то-то и есть, что онъ рассказанъ такъ, что мы ясно видимъ его исключительность, доходящую до нелѣпости, почти невозможную. Ужь если вы, для доказательства вашей идеи, не нашли способа выразить ее въ русскомъ духѣ и русскими лицами, то согласитесь сами, вѣдь позволительно заключить, что и факта такого нѣтъ въ русскомъ духѣ и не возможенъ онъ въ русской дѣйствительности.» Вотъ что вамъ отвѣтятъ, а слѣдственно рассказъ, вмѣсто серьезнаго, дѣльнаго впечатлѣнiя,

возбудить только смѣхъ и напомнить басню: медвѣдь и пустынникъ. «Вы даже не могли представить себѣ русскаго человѣка съ вашей идеей! прибавятъ ваши противники. Когда надо было указать, какъ осуществляется ваша мысль на дѣлѣ, въ жизни, русскій человѣкъ ускользнулъ отъ васъ. Вы принуждены были одѣть въ русскіе кафтаны и сарафаны какихъ-то швейцарцевъ изъ балета; это пейзане и пейзанки, а не крестьяне и крестьянки. У васъ почва выскользнула изъ подъ ногъ, только что вы шагъ первый ступили для доказательства вашего нелѣпаго парадокса. И послѣ этого вы хотите, чтобъ мы вамъ повѣрили, когда вы сами, защитники дѣла, не въ состояніи представить себѣ такого дѣла между русскими людьми? Нѣтъ, обманывайте себя, кабинетные мечтатели, а насъ оставьте въ покоѣ». Вотъ что вамъ скажутъ и по своему будутъ правы. А между-тѣмъ вѣдь мысль-то автора рассказовъ вѣрна. Представьте же себѣ, что вмѣсто этой балаганной шутихи, вмѣсто этой строки, Маши, вышло бы у автора

разказовъ яркое, вѣрное лицо, такъ что вы бы съ разу, на яву, увидали то въ дѣйствительности, о чемъ такъ горячо спорите, - неужели вы бы отвергли такой разказъ за то только, что онъ художественъ? Вѣдь такой разказъ былъ бы въ тысячу разъ полезнѣе. Въ сущности вы презираете поэзію и художественность; вамъ нужно прежде всего дѣло, вы люди дѣловые. То-то и есть, что художественность есть самый лучший, самый убѣдительный, самый безспорный и наиболѣе понятный для массы способъ представленія въ образахъ именно того самага дѣла, о которомъ вы хлопчете, самый дѣловой, если хотите вы, дѣловой человѣкъ. Слѣдственно художественность въ высочайшей степени полезна и полезна именно съ вашей точки зрѣнія. Что же вы ее презираете и преслѣдуете, когда ее именно нужно поставить на первый планъ, прежде всякихъ требованій? «Прежде всякихъ требованій - нельзя, говорите вы, потомучто прежде всего нужно дѣло»; но вѣдь и о дѣлѣ нужно говорить дѣльно,

умѣючи. Вѣдь и въ дѣльномъ человѣкѣ не много пользы, если онъ не умѣетъ высказаться. Это все равно, если у васъ на примѣръ подъ командой куча солдатъ, народъ надежный, хорошій; вдругъ тревога: всѣ вскакиваютъ, надѣваютъ ранцы, аммуницію, хватаются за оружіе; «скорѣе! скорѣе! командуете вы, бросайте ранцы, патроны, не нужно: только опоздаемъ со всѣми лишними сборами; и оружія не нужно, - кто что успѣлъ захватить, съ тѣмъ и маршъ!» Вы дѣйствительно поспѣваете во время на мѣсто, занимаете его, но вѣдь ваши солдаты безъ оружія и безъ аммуниціи, куда они годятся? Дѣло-то сдѣлано, да вѣдь нехорошо сдѣлано. Или на примѣръ передъ вами крѣпость; вамъ нужно ее атаковать, и вотъ вы требуете непремѣннымъ условіемъ, чтобъ ваши солдаты всѣ до одного были хромые. Писатель безъ таланта, тотъ же хромой солдатъ. Неужели же вы предпочтете для выраженія вашей мысли заику?

Но вы улыбаются, вамъ смѣшно слушать, что васъ же какъ-будто учать

тому, что вы сами не только отлично знаете, но давнымъ давно уже въ своемъ мѣстѣ высказали. Въ одной изъ вашихъ статей вы говорите: «пожалуй, пусть будетъ произведеніе художественное, но будь оно и современное.»

И въ другой статьѣ: «Если вы хотите живымъ образомъ дѣйствовать на меня, хотите заставить меня полюбить красоту, - то умѣйте уловить въ ней этотъ общій смыслъ, это вѣяніе жизни, умѣйте указать и растолковать его мнѣ; тогда только вы достигнете вашей цѣли.» Коротко и ясно; вы не отвергаете художественности, но требуете чтобъ художникъ говорилъ о дѣлѣ, служилъ общей пользѣ, былъ вѣренъ современной дѣйствительности, ея потребностямъ, ея идеаламъ. Желаніе прекрасное.

Но такое желаніе, переходящее въ требованіе, по нашему есть уже непониманіе основныхъ законовъ искусства и его главной сущности - свободы вдохновенія. Это значитъ просто не признавать искусства, какъ органическаго

цѣлаго. Въ томъ-то вся и ошибка въ этомъ сбивчивомъ вопросѣ, которая привела насъ къ недоумѣніямъ, несогласіямъ и, что всего хуже, къ крайностямъ. Вы какъ-будто думаете, что искусство не имѣетъ само по себѣ никакой нормы, никакихъ своихъ законовъ, что имъ можно помыкать по произволу, что вдохновеніе у всякаго въ карманѣ по первому востребованію, что оно можетъ служить тому-то и тому-то и пойти по такой дорогѣ, по которой вы захотите. А мы вѣримъ, что у искусства собственная, цѣльная, органическая жизнь и слѣдовательно основные и неизмѣнимые законы для этой жизни. Искусство есть такая же потребность для человѣка, какъ ѣсть и пить. Потребность красоты и творчества, воплощающаго ее, - неразлучна съ человѣкомъ, и безъ нея человѣкъ, можетъ быть, не захотѣлъ бы жить на свѣтѣ.

Человѣкъ жаждетъ ея, находитъ и принимаетъ красоту безъ всякихъ условій, а такъ, потому только, что она красота, и съ благоговѣніемъ преклоняется передъ

нею, не спрашивая, къ чему она полезна и что можно на нее купить? И можетъ быть въ этомъ-то и заключается величайшая тайна художественнаго творчества, что образъ красоты, созданный имъ, становится тотчасъ кумиромъ, безъ всякихъ условій. А почему онъ становится кумиромъ? Потомучто потребность красоты развивается наиболее тогда, когда человѣкъ въ разладѣ съ дѣйствительностью, въ негармоніи, въ борьбѣ, т. е. когда наиболее живетъ, потомучто человѣкъ наиболее живетъ именно въ то время, когда чего-нибудь ищетъ и добивается; тогда въ немъ и проявляется наиболее естественное желаніе всего гармоническаго, спокойствія, а въ красотѣ есть и гармонія и спокойствіе. Когда же находятъ то, чего добивается, то на время для него какъ бы замедляется жизнь, и мы видѣли даже примѣры, что человѣкъ, достигнувъ идеала своихъ желаній, не зная куда болѣе стремиться, удовлетворенный по горло, впадалъ въ какую-то тоску, даже самъ растравлялъ въ себѣ эту тоску, искалъ другого идеала въ

своей жизни, и отъ усиленнаго пресыщенія, не только не цѣнилъ того, чѣмъ наслаждался, но даже сознательно уклонялся отъ прямого пути, раздражая въ себѣ посторонніе вкусы, нездоровые, острые, негармоническіе, иногда чудовищные, теряя тактъ и эстетическое чутье здоровой красоты и требуя вмѣсто нея исключеній. И потому красота присуща всему здоровому, т. е. наиболѣе живущему, и есть необходимая потребность организма человѣческаго. Она есть гармонія; въ ней залогъ успокоенія; она воплощаетъ человѣку и человѣчеству его идеалы. «Но позвольте, скажутъ намъ, про какіе идеалы вы говорите? Мы хотимъ дѣйствительности, жизни, вѣянія жизни.

У насъ все общество, на примѣръ, разрѣшаетъ какой-нибудь современный вопросъ, оно стремится къ выходу, къ идеалу, который оно само себѣ поставило. Къ этому-то идеалу и поэты должны стремиться. Чѣмъ бы воплощать и уяснять передъ обществомъ этотъ идеаль, вы вдругъ воспѣваете намъ Діану-охотницу или

Лауру у Клавира.» Все это бесспорно и справедливо. Но прежде чѣмъ мы отвѣтимъ на это возраженіе, позвольте намъ сдѣлать одно постороннее, побочное замѣчаніе, такъ, чтобъ ужь разомъ, окончивъ со всѣмъ постороннимъ, перейти къ главному отвѣту на ваше прекрасное и чрезвычайно справедливое замѣчаніе.

Мы уже сказали въ началѣ нашей статьи, что нормальные, естественные пути полезнаго намъ не совсѣмъ извѣстны, по крайней мѣрѣ не исчислены до послѣдней точности. Какъ въ самомъ дѣлѣ опредѣлить ясно и бесспорно, что именно надо дѣлать, чтобъ дойти до идеала всѣхъ нашихъ желаній и до всего того, чего желаетъ и къ чему стремится все человѣчество? Можно угадывать, изобрѣтать, предполагать, изучать, мечтать и разсчитывать, но невозможно разсчитать каждый будущій шагъ всего человѣчества, въ родѣ календаря. Поэтому какъ и опредѣлить совершенно вѣрно, чтъ вредно и полезно? Но не только о будущемъ, мы даже не можемъ имѣть точныхъ и положительныхъ

свѣдѣній о всѣхъ путяхъ и уклоненіяхъ, однимъ словомъ о всемъ нормальномъ ходѣ полезнаго даже и въ прошедшемъ нашемъ. Мы изучаемъ этотъ путь, догадываемся, строимъ системы, выводимъ слѣдствія, но все-таки календаря и тутъ не составимъ, и исторія до сихъ поръ не можетъ считаться точной наукой, не смотря на то, что факты почти всѣ передъ нами. И потому какъ напимѣрь вы опредѣлите, вымѣряете и взвѣсите, какую пользу принесла всему человѣчеству Иліада? Гдѣ, когда, въ какихъ случаяхъ она была полезна, чѣмъ наконецъ, какое именно вліяніе она имѣла на такіе-то народы, въ такой-то моментъ ихъ развитія и сколько именно было этого вліянія (ну хоть фунтовъ, пудовъ, аршинъ, километровъ, градусовъ и проч. и проч.)? А вѣдь если мы этого не можемъ опредѣлить, то очень возможно, что можемъ ошибиться и теперь, когда будемъ строго и рѣшительно опредѣлять людямъ занятія и указывать искусству нормальные пути полезности и настоящаго его назначенія. А только согласитесь, что можно ошибиться, вотъ

уже и неизвѣстно станеть: можетъ быть Лаура-то у Клавира и окажется на что-нибудь полезна? Правда, красота всегда полезна; но мы объ ней теперь умолчимъ, а вотъ что мы скажемъ: (впрочемъ заранѣе предувѣдомляемъ, - можетъ быть мы скажемъ неслыханную, безстыднѣйшую дерзость, но пусть не смущаются нашими словами; мы вѣдь говоримъ только одно предположеніе). Что, скажемъ мы: а ну-ка если Иліада-то полезна сочиненій Марко-Вовчка, да не только прежде, а даже теперь, при современныхъ вопросахъ; полезна какъ способъ достиженія извѣстныхъ цѣлей, этихъ же самыхъ вопросовъ, разрѣшенія настольныхъ задачъ? Вѣдь и теперь отъ Иліады проходитъ трепеть по душѣ человѣка. Вѣдь это эпопея такой мощной, полной жизни, такого високаго момента народной жизни и, замѣтимъ еще, жизни такого великаго племени, что въ наше время, - время стремленій, борьбы, колебаній и вѣры (потомучто наше время есть время вѣры), однимъ словомъ въ наше время наибольшей

жизни, эта вѣковѣчная гармонія, которая воплощена въ Иліадѣ, можетъ слишкомъ рѣшительно подѣйствовать на душу. Нашъ духъ теперь наиболѣе воспріимчивъ, вліяніе красоты, гармоніи и силы можетъ величаво и благодѣтельно подѣйствовать на него, полезно подѣйствовать, влить энергію, поддержать наши силы. Сильное любитъ силу; кто вѣруеть, тотъ силенъ, а мы вѣруемъ и, главное, хотимъ вѣровать. Вѣдь чѣмъ гнусно занятіе Иліадой и подражаніе ей въ искусствѣ въ наше время, по взгляду противниковъ чистаго искусства? Тѣмъ, что мы, точно мертвецы, точно все пережившіе, или точно трусы боящіеся нашей будущей жизни, наконецъ - точно равнодушные измѣнники тѣхъ изъ насъ, въ которыхъ еще осталась жизненная сила и которые стремятся впередъ, точно энervированные до отупѣнія, до непониманія, что и у насъ есть жизнь, - въ какомъ-то отчаяніи, бросаемся въ эпоху Иліады и создаемъ себѣ такимъ образомъ искусственную дѣйствительность, жизнь, которую не мы создавали и не мы проживали, мечту,

пустую и соблазнительную, - и, какъ низкіе люди, заимствуемъ, воруюемъ нашу жизнь у давно-прошедшаго времени и прокисаемъ въ наслажденіи искусствомъ, какъ никуда негодные подражатели! Согласитесь сами, что направленіе утилитаристовъ, съ точки зрѣнія подобныхъ упрековъ, въ высшей степени благородно и возвышенно. Оттого-то мы имъ такъ сочувствуемъ; оттого-то ихъ и хотимъ уважать. Бѣда только въ томъ, что это направленіе и эти упреки невѣрны. Не говоря уже о томъ, что мы говорили о потребности красоты, и о томъ, что у человечества уже опредѣлились отчасти ея вѣковѣчные идеалы (такъ что все это уже стало всемірной исторіей и связано общечеловѣчностью съ настоящимъ и съ будущимъ, навѣки и неразрывно), - не говоря уже о томъ, замѣтимъ утилитаристамъ, что вѣдь можно относиться къ прошедшей жизни и къ прошедшимъ идеаламъ и не наивно, а исторически. При отысканіи красоты человѣкъ жилъ и мучился. Если мы поймемъ его прошедшій идеаль и то, чего

этотъ идеаль ему стоиль, то во-первыхъ мы выкажемъ чрезвычайное уваженіе ко всему чловѣчеству, облагородимъ себя сочувствіемъ къ нему, поймемъ, что это сочувствіе и пониманіе прошедшаго гарантируетъ намъ же, въ насъ же присутствіе гуманности, жизненной силы и способность прогресса и развитія. Кромѣ того можно относиться къ прошедшему и (такъ сказать) байронически. Въ мукахъ жизни и творчества бываютъ минуты, не то чтобъ отчаянія, но безпредѣльной тоски, какого-то безотчетнаго позыва, колебанія, недовѣрія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умиленія передъ прошедшими, могущественно и величаво законченными судьбами исчезнувшаго чловѣчества. Въ этомъ энтузіазмѣ (байроническомъ, какъ называемъ мы его), передъ идеалами красоты, созданными прошедшимъ и оставленными намъ въ вѣковѣчное наслѣдство, мы изливаемъ часто всю тоску о настоящемъ, и не отъ безсилія передъ нашею собственною жизнью, а напротивъ, отъ пламенной жажды жизни и отъ тоски по

идеалу, котораго въ мукахъ добиваемся. Мы знаемъ одно стихотвореніе, которое можно почестъ воплощеніемъ этого энтузіазма, страстнымъ зовомъ, моленіемъ передъ совершенствомъ прошедшей красоты и скрытой внутренней тоской по такому же совершенству, котораго ищетъ душа, но должна еще долго искать и долго мучиться въ мукахъ рожденія, чтобъ отыскать его. Это стихотвореніе называется «Діана», вотъ оно:

Д І А Н А

Богини дѣвственной округлыя черты,
Во всемъ величїи блестящей наготы,
Я видѣлъ межъ деревъ надъ ясными
водами
Съ продолговатыми, безцвѣтными
очами...
Высоко поднялось открытое чело,
Его недвижностью вниманье облегло, -
И дѣвъ моленію въ тяжелыхъ мукахъ
чрева
Внимала чуткая и каменная дѣва.
Но вѣтеръ на зарѣ между листовъ
проникъ,

Качнулся на водѣ богини ясный ликъ;
Я ждалъ, - она пойдетъ съ колчаномъ
и стрѣлами,
Молочной бѣлизной мелькая межъ
древами,
Взирать на сонный Римъ, на вѣчный
славы градъ,
На желтоводный Тибръ, на группы
колоннадъ,
На стогны длинные... Но мраморъ
недвижимый
Бѣлѣлъ передо мной красой
непостижимой.

Послѣднія двѣ строки этого
стихотворенія полны такой страстной
жизненности, такой тоски, такого значенія,
что мы ничего не знаемъ болѣе сильнаго,
болѣе жизненнаго во всей нашей русской
поэзіи. Это отжившее прежнее,
воскресающее черезъ двѣ тысячи лѣтъ въ
душѣ поэта, воскресающее съ такою силою,
что онъ ждетъ и вѣрить, въ моленіи и
энтузіазмѣ, что богиня сейчасъ сойдетъ съ
пьедестала и пойдетъ передъ нимъ,

Молочной бѣлизной мелькая межъ
деревами...

Но богиня не воскресаетъ и ей не надо
воскресать, ей не надо жить; она уже дошла
до высочайшаго момента жизни; она уже въ
вѣчности, для нея время остановилось; это
высшій моментъ жизни, послѣ котораго она
прекращается, - настаетъ олимпійское
спокойствіе. Безконечно только одно
будущее, вѣчно зовущее, вѣчно новое, и
тамъ тоже есть свой высшій моментъ,
котораго нужно искать и вѣчно искать, и
это вѣчное исканіе и называется жизнью, и
сколько мучительной грусти скрывается въ
энтузіазмѣ поэта! какой безконечный зовъ,
какая тоска о настоящемъ въ этомъ
энтузіазмѣ къ прошедшему!

Конечно, мы согласны, можетъ
существовать и такой гаденькій
антологическій червячокъ, который
дѣйствительно потерялъ все чутье
дѣйствительности, который не понимаетъ,
что у него тоже есть жизнь, который
перебрался въ прошедшее и поселился
тамъ, гдѣ-нибудь въ антологіи, не

подозрѣвая ни себя, ни вопросовъ, ни жизненныхъ мукъ, ни здѣшняго прихода. Но, во-первыхъ, вѣдь и червячку надо жить, а во-вторыхъ: лучше что ли его эти безчисленныя толпы грошовыхъ прогрессистовъ, съ убѣжденіями напрокатъ, съ совѣстью напрокатъ, съ ослабленіемъ надъ тѣмъ, чьего они праха не стоятъ, съ жалкимъ умишкомъ, вскочившимъ на фразу и выѣзжающимъ на ней подбоченясь? Чтожъ дѣлать! И тѣмъ и этимъ жить надо. Дѣйствительность слишкомъ разнообразна. Чтожъ дѣлать!

Теперь приступимъ къ нашему главному и окончательному отвѣту на вашъ справедливый вопросъ о томъ, почему искусство не всегда совпадаетъ своими идеалами съ идеаломъ всеобщимъ и современнымъ; яснѣе: почему искусство не всегда вѣрно дѣйствительности?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ у насъ готовъ.

Мы сказали уже, что вопросъ объ искусствѣ, по нашему мнѣнію, не такъ поставленъ въ настоящее время, дошолъ до крайности и запутался отъ взаимнаго

ожесточенія обѣихъ партій. Тоже самое повторяемъ мы и теперь. Да, вопросъ не такъ поставленъ и по настоящему спорить не о чемъ, потомучто:

Искусство всегда современно и дѣйствительно, никогда не существовало иначе и, главное, не можетъ иначе существовать.

Теперь постараемся отвѣтить на всѣ возраженія:

Во-первыхъ, если намъ иногда кажется, что искусство уклоняется отъ дѣйствительности и не служитъ полезнымъ цѣлямъ, то это только потому, что мы не знаемъ навѣрно путей полезности искусства (о чемъ уже мы говорили), и кромѣ того, отъ излишняго жара въ нашихъ желаніяхъ немедленной, прямой и непосредственной пользы; т. е. въ сущности отъ горячаго сочувствія къ общему благу. Такія желанія конечно похвальны, но иногда неразумны и похожи на то, какъ еслибъ дитя, увидя солнце, потребовалъ, чтобъ ему сейчасъ его сняли съ неба и дали.

Во-вторыхъ потому намъ иногда кажется, что искусство уклоняется отъ дѣйствительности, что дѣйствительно есть сумасшедшіе поэты и прозаики, которые прерываютъ всякое сношеніе съ дѣйствительностью, дѣйствительно умираютъ для настоящаго, обращаются въ какихъ-то древнихъ грековъ или средневѣковыхъ рыцарей и прокисаютъ въ антологіи или въ средневѣковыхъ легендахъ.

Такое превращеніе возможно; но поэтъ, художникъ, поступившій такимъ образомъ, есть сумасшедшій вполнѣ. Такихъ немного.

Въ третьихъ, наши поэты и художники дѣйствительно могутъ уклоняться съ настоящаго пути или вслѣдствіе непониманія своихъ гражданскихъ обязанностей, или вслѣдствіе неимѣнія общественнаго чутья, или отъ разрозненности общественныхъ интересовъ, отъ незрѣлости, отъ непониманія дѣйствительности, отъ нѣкоторыхъ историческихъ причинъ, отъ не совсѣмъ еще сформировавшагося общества, оттого,

что многіе - кто въ лѣсъ, кто по-дрова, и потому съ этой стороны призывы, укоры и разъясненія г. -бова въ высочайшей степени почтенны. Но г. -бовъ идетъ уже слишкомъ далеко. Ть, что онъ называетъ погренушками и альбомными побрякушками, мы, съ другой точки зрѣнья, признаемъ и нормальнымъ и полезнымъ, и такимъ образомъ антологическіе поэты не всѣ до одинаго сумасшедшіе (какъ признаетъ г. -бовъ), а только тѣ изъ нихъ, которые совсѣмъ отрѣшились отъ современной дѣйствительности, въ родѣ иныхъ нашихъ барынь, проживающихъ всю жизнь въ Парижѣ и потерявшихъ употребленіе русскаго языка (на что впрочемъ ихъ добрая воля). «Побрякушки» же тѣмъ полезны, что по нашему мнѣнію мы связаны и исторической и внутренней духовной нашей жизнью и съ историческимъ прошедшимъ и съ общечеловѣчностью. Чтожъ дѣлать? безъ того вѣдь нельзя; вѣдь это законъ природы. Мы даже думаемъ, что чѣмъ болѣе

человѣкъ способенъ откликаться на историческое и общечеловѣческое, тѣмъ шире его природа, тѣмъ богаче его жизнь и тѣмъ способнѣе такой человѣкъ къ прогрессу и развитію. Нельзя же такъ обстричь человѣка, что вотъ-дескать это твоя потребность, такъ-вотъ нѣтъ же, не хочу, живи такъ, а не этакъ! И какіе ни представляйте резоны, - никто не послушается. И знаете еще что: мы увѣрены, что въ русскомъ обществѣ этотъ позывъ къ общечеловѣчности, а слѣдовательно и откликъ его творческихъ способностей на все историческое и общечеловѣческое и вообще на всѣ эти разнообразныя темы, - былъ даже наиболѣе нормальнымъ состояніемъ этого общества, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, и можетъ быть въ

немъ вѣковѣчно останется. Мало того: намъ кажется, что этотъ всечеловѣческій откликъ въ русскомъ народѣ даже сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ народахъ, и составляетъ его высшую и лучшую характерность. Вслѣдствіе петровской

реформы, вслѣдствіе нашего усиленнаго переживанія вдругъ многихъ разнообразныхъ жизней, вслѣдствіе инстинкта всежизненности, и творчество наше должно было проявиться у насъ такъ характерно, такъ особенно, какъ ни въ какомъ народѣ. Вѣдь вы возстаете почти противъ нормальнаго нашего состоянія. Вѣдь литературы европейскихъ народовъ были намъ почти родныя, почти наши собственныя, отразились въ русской жизни вполне, какъ у себя дома. Вспомните: вѣдь и вы такъ воспитаны, г. -бовь. Какъ вы думаете, вѣдь явленіе Жуковскаго невозможно напимѣрь у французовъ, а Пушкина и подавно. Откликнется ли кто-нибудь изъ европейскихъ самыхъ великихъ поэтовъ на все общечеловѣческое такъ родственно, въ такой полнотѣ, какъ откликнулся представитель нашей поэзіи - Пушкинъ? Поэтому-то отчасти мы и называемъ Пушкина величайшимъ національнымъ поэтомъ (а въ будущемъ и народнымъ, въ буквальномъ смыслѣ слова), потому именно называемъ, что онъ

есть полнѣйшее выраженіе направленія, инстинктовъ и потребностей русскаго духа въ данный историческій моментъ. Вѣдь это отчасти современный типъ всего русскаго человѣка, по крайней мѣрѣ въ историческомъ и общечеловѣческомъ стремленіи его. Нельзя же говорить (потомучто такъ задалось въ кабинетѣ), что всѣ эти стремленія всего русскаго духа и бесполезны и глупы и незаконны. И неужели вы на примѣръ думаете, что маркизь Поза, Фаустъ и проч. и проч. были бесполезны нашему русскому обществу въ его развитіи и не будутъ полезны еще? Вѣдь не за облака же мы съ ними пришли, а дошли до современныхъ вопросовъ и, кто знаетъ, можетъ быть они тому много способствовали. Вотъ почему хоть бы на примѣръ всѣ эти антологіи, Иліады, Діаны-охотницы, Венеры и Юпитеры, Мадоны и Данте, Шекспиръ, Венеція, Парижъ и Лондонъ - можетъ быть все это законно существовало у насъ и должно у насъ существовать - во-первыхъ по законамъ общечеловѣческой жизни, съ

которою мы всѣ нераздѣльны, а во-вторыхъ и по законамъ русской жизни въ особенности.

- Но что вы насъ учите! скажутъ намъ утилитаристы. Мы очень хорошо и безъ васъ знаемъ, на сколько все это намъ было полезно, какъ связь съ Европой, когда мы двигались въ общечеловѣчество; знаемъ очень хорошо, потому что мы сами изъ всего этого вышли. Но теперь намъ покамѣстъ не надо никакого общечеловѣчества и никакихъ историческихъ законовъ. У насъ теперь своя домашняя стирка, чорное бѣлье выполаскивается, на бѣло передѣлывается; теперь у насъ повсюду корыта, плескъ воды, запахъ мыла, брызги и замоченный полъ. Теперь надо писать не про маркиза Позу, а про свои дѣла, про извѣстные вопросы, про гласность, про полезность, про Крутогорскъ, про темное царство. Мы отвѣтимъ на это такъ: во-первыхъ опредѣлить, что именно надо и что не надо, на вѣсь или цифрами, довольно трудно; можно загадывать, можно рассчитывать,

позволительно и законно пробовать на дѣлѣ: такъ ли выйдетъ по разсчету? желать, убѣждать и увѣщевать другихъ къ общей дѣятельности, - все это законно и въ высшей степени полезно. Но писать въ «Современникѣ» указы, но требовать, но предписывать - пиши дескать вотъ непременно объ этомъ, а не объ этомъ, - и ошибочно и бесполезно (хотя ужь потому одному, что вѣдь не послушаются. Конечно робкаго народу у насъ много; бѣда какъ иные боятся критики! да и самолюбіе: отстать отъ передовыхъ не хочется, - вотъ и пишутъ съ направлениемъ, да такъ-какъ пишутъ-то не по своему вдохновенію, то и выходитъ все почти дрянъ; но деспотизмъ нашей критики пройдетъ; станутъ писать по охотѣ, будутъ болѣе сами по себѣ, и можетъ быть и въ обличительномъ родѣ напишутъ что-нибудь прекрасное. Давай-то Богъ!). Ктому же вѣдь можно ошибиться. Вѣдь можетъ-быть именно то, что наши прогресивные умы считаютъ несовременнымъ и неполезнымъ, и есть современное и полезное. Больной не

можетъ быть въ одно и тоже время и больнымъ и врачомъ. Можно сознавать себя больнымъ, сознавать, что мнѣ нужно лекарство, даже вообще можно знать какое именно нужно лекарство, но рецепта до послѣдней точности себѣ самому прописать нельзя. А если поэзія, слово, литература есть тоже лекарство, то вѣдь отчасти есть и мѣрка: что именно въ поэзіи хорошо, а что неподходяще? Эта мѣрка въ томъ: чѣмъ болѣе симпатіи возбуждаетъ въ массѣ поэтъ, тѣмъ стало быть онъ наиболѣе оправдываетъ свое явленіе. Конечно тутъ могутъ быть большія ошибки, капитальныя уклоненія; примѣры были: масса иногда въ данный моментъ и не знаетъ, чего ей нужно, что именно надо любить, чему симпатизировать. Но эти уклоненія сами собою скоро проходятъ и общество всегда само отыскиваетъ потерянный путь. А главное въ томъ, что искусство всегда въ высшей степени вѣрно дѣйствительности, - уклоненія его мимолетныя, скоропроходящія; оно не только всегда вѣрно дѣйствительности, но и не можетъ

быть невѣрно современной действительности. Иначе оно не настоящее искусство. Въ томъ-то и признакъ настоящаго искусства, что оно всегда современно, насущно-полезно. Если оно занимается антологіей, стало быть еще нужна антологія; уклоненія и ошибки могутъ быть, но, повторяемъ, они преходящи. Искусства же несовременнаго, несоотвѣтствующаго современнымъ потребностямъ и совсѣмъ быть не можетъ. Если оно и есть, то оно не искусство; оно мельчаетъ, вырождается, теряетъ силу и всякую художественность. Въ этомъ смыслѣ мы идемъ даже дальше г. -бова, въ его же идеѣ: онъ еще признаетъ, что существуетъ бесполезное искусство, чистое искусство, не современное и не насущное, и ополчается на него. А мы не признаемъ совсѣмъ такого искусства, и спокойны, - незачѣмъ ополчаться; а если и будутъ уклоненія, то безпокоиться нечего: сами собою пройдутъ, и скоро пройдутъ.

- Но позвольте, спросятъ насъ, на чемъ же вы основываетесь, изъ чего именно вы

заклучаете что настоящее искусство никакъ и не можетъ быть несовременнымъ и невѣрнымъ насущной дѣйствительности?

Отвѣчаемъ:

Во первыхъ, по всѣмъ вмѣстѣ взятымъ историческимъ фактамъ, начиная съ начала міра, до настоящаго времени, искусство никогда не оставляло человѣка, всегда отвѣчало его потребностямъ и его идеалу, всегда помогало ему въ отыскиваніи этого идеала, - рождалось съ человѣкомъ, развивалось рядомъ съ его исторической жизнью и умирало вмѣстѣ съ его исторической жизнью.

Во вторыхъ (и главное) творчество, основаніе всякаго искусства, живетъ въ человѣкѣ, какъ проявленіе части его организма, но живетъ нераздѣльно съ человѣкомъ. А слѣдственно творчество и не можетъ имѣть другихъ стремленій, кромѣ тѣхъ, къ которымъ стремится весь человѣкъ. Еслибъ оно пошло другимъ путемъ, значить оно бы пошло въ разладъ съ человѣкомъ, значить разъединилось бы съ нимъ. А слѣдственно измѣнило бы

законамъ природы. Но человѣчество еще покамѣсть здорово, не вымираетъ и не измѣняетъ законамъ природы (говоря вообще). А слѣдственно и за искусство опасаться нечего, - и оно не измѣнитъ своему назначенію. Оно всегда будетъ жить съ человѣкомъ его настоящею жизнію; больше оно ничего не можетъ сдѣлать. Слѣдственно оно останется навсегда вѣрно дѣйствительности.

Конечно въ жизни своей человѣкъ можетъ уклоняться отъ нормальной дѣйствительности, отъ законовъ природы; будетъ уклоняться за нимъ и искусство. Но это-то и доказываетъ его тѣсную, неразрывную связь съ человѣкомъ, всегдашнюю вѣрность человѣку и его интересамъ.

Но все-таки искусство тогда только будетъ вѣрно человѣку, когда не будутъ стѣснять его свободу развитія.

И потому первое дѣло: не стѣснять искусства разными цѣлями, не предписывать ему законовъ, не сбивать его съ толку, потомучто у него и безъ того

много подводныхъ камней, много соблазновъ и уклоненій, неразлучныхъ съ исторической жизнью человѣка. Чѣмъ свободнѣе будетъ оно развиваться, тѣмъ нормальнѣе разовьется, тѣмъ скорѣе найдетъ настоящій и полезный свой путь. А такъ какъ интересъ и цѣль его одна съ цѣлями человѣка, которому оно служить и съ которымъ соединено нераздѣльно, то чѣмъ свободнѣе будетъ его развитіе, тѣмъ болѣе пользы принесетъ оно человѣчеству.

Поймите же насъ: мы именно желаемъ, чтобъ искусство всегда соответствовало цѣлямъ человѣка, не разрознивалось съ его интересами, и если мы и желаемъ наибольшей свободы искусству, то именно вѣруя въ то, что чѣмъ свободнѣе оно въ своемъ развитіи, тѣмъ полезнѣе оно человѣческимъ интересамъ. Нельзя предписывать искусству цѣлей и симпатій. Къ чему предписывать, къ чему сомнѣваться въ немъ, когда оно, нормально развитое, и безъ вашихъ предписаній, по закону природы, не можетъ идти въ разладъ потребностямъ человѣческимъ? Оно не

потеряется и не собьется съ дороги. Оно всегда было вѣрно дѣйствительности и всегда шло на ряду съ развитіемъ и прогрессомъ въ человѣкѣ. Идеаль красоты, нормальности, у здороваго общества не можетъ погибнуть; и потому оставьте искусство на своей дорогѣ и довѣрьтесь тому, что оно съ нея не собьется. Если и собьется, то тотчасъ же воротится назадъ, откликнется на первую же потребность человека. Красота есть нормальность, здоровье. Красота полезна, потомучто она красота, потомучто въ человечествѣ - всегдашняя потребность красоты и высшаго идеала ея. Если въ народѣ сохраняется идеаль красоты и потребность ея, значитъ есть и потребность здоровья, нормы, а слѣдственно тѣмъ самымъ гарантировано и высшее развитіе этого народа. Частный человекъ не можетъ угадать вполнѣ вѣчнаго, всеобщаго идеала, - будь онъ самъ Шекспиръ, - а слѣдственно не можетъ предписывать ни путей, ни цѣли искусству. Гадайте, желайте, доказывайте, подзывайте за собой, - все это позволительно; но

предписывать непозволительно; быть деспотомъ непозволительно; а вѣдь вотъ хоть бы съ г. Никитинымъ вы, г. -бовъ, обошлись почти деспотически. - Пиши про свои нужды, описывай нужды и потребности своего сословія, - долой Пушкина, не смѣй восхищаться имъ, а восхищайся вотъ тѣмъ-то и тѣмъ-то и описывай то-то. - Да Пушкинъ былъ мое знамя, мой маякъ, мое развитіе, восклицаетъ г. Никитинъ (или мы за г. Никитина); я мѣщанинъ, - онъ протянулъ мнѣ руку оттуда, гдѣ свѣтъ, гдѣ просвѣщеніе, гдѣ не гнетуть оскорбительные предрасудки, по крайней мѣрѣ такъ, какъ въ моей средѣ; онъ былъ мой хлѣбъ духовный. - Не надо, вздоръ! пиши про свои нужды. - Но вѣдь я самъ нуждающійся, продолжаетъ г. Никитинъ, физическій хлѣбъ есть у меня, но мнѣ надобенъ хлѣбъ духовный. Не отнимайте же у меня этого хлѣба, желая его всѣмъ. Всѣмъ-то желаете, а какъ къ дѣлу пришлось, у меня перваго и отнимаете. Вы хотите, чтобъ я описывалъ свой бытъ, свои

нужды. Да я можетъ и буду описывать! Только теперь-то позвольте пожить высшей жизнью. Для васъ она не высшая, вы ее уже презираете, а для меня - знаете, какъ она еще соблазнительна!.. - Мы ручаемся за г. Никитина, прибавляемъ мы тутъ же съ своей стороны, дайте ему пожить теперь, какъ онъ хочетъ. Пушкинъ для него теперь все. Вѣдь и мы къ современнымъ вопросамъ прошли черезъ Пушкина; вѣдь и для насъ онъ былъ началомъ всего, что теперь есть у насъ. А г. Никитину онъ больше чѣмъ родной. Пушкинъ - знамя, точка соединенія всѣхъ жаждущихъ образованія и развитія; потомучто онъ наиболѣе художественъ, чѣмъ всѣ наши поэты, слѣдовательно наиболѣе простъ, наиболѣе плѣнителенъ, наиболѣе понятенъ. Тѣмъ-то онъ и народный поэтъ, что всѣмъ понятенъ. Перейдетъ г. Никитинъ черезъ Пушкина, и если у него дѣйствительно есть талантъ, - повѣрьте, г. -бовъ, дойдетъ, какъ и мы, до современныхъ вопросовъ и будетъ писать съ направлениемъ. А требовать отъ него теперь, вѣдь это... вѣдь это будетъ...

какъ бы это выразиться: вѣдь это будетъ кабинетный скачокъ...

Но довольно! Мы не имѣемъ чести знать г. Никитина и соціальнаго его положенія; мы знаемъ только, что онъ мѣщанинъ, о чемъ онъ самъ публиковалъ при изданіи своихъ сочиненій. Если г. Никитинъ совсѣмъ не въ такомъ положеніи, въ которомъ мы его теперь представили, то просимъ у него извиненія. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто него, мы ставимъ лицо отвлеченное, сочиненное, г. N.

Ф. Достоевскій